

Тати Бин

Жана Американа

ИЛИ ИСТОРИЯ МАЛЕНЬКОЙ
ЖЕНЩИНЫ

12+

Тати Бин

**Хана Американа, или
История маленькой женщины**

«Автор»

2022

Бин Т.

Хана Американа, или История маленькой женщины / Т. Бин — «Автор», 2022

Автор - Тати Бин, блогер ютуб-канала, Телеграм-канала и Инстаграм* (*социальная сеть, признана экстремистской организацией и запрещена на территории РФ). В автофикшн-романе описывает события, происходящие в режиме реального времени. Героиня из далекой сибирской глубинки знакомится через интернет с американцем, выходит замуж и уезжает жить в Америку с дочкой-школьницей. Семья живет счастливо и беззаботно 4 года, пока муж внезапно не заболел и не умер. В одночасье из благополучной жены американца Таня Адамс превращается в малоимущую одиночку с ребенком, без денег, без защиты, без друзей. Тем временем родственники мужа устраивают им травлю, шантаж, применяют угрозы, запугивают и пытаются выгнать из дома. Ее жизнь превращается в кошмарный триллер. Что будет дальше? Выживут ли Таня и ее дочь одни в чужой стране? Победят ли они злобную семейку в нелегкой борьбе? Об этом читатель узнает в финале романа. В романе есть любовь, трагедия, выживание в трудных условиях, иммиграция.

© Бин Т., 2022

© Автор, 2022

Содержание

Глава 1. 14 февраля 2022	6
Глава 2. Таня Адамс	9
Прошлая жизнь	9
Как я познакомилась с Дином	13
Глава 3. Сибирско-американский роман. Приключения Дина в России	15
Первая встреча	15
Туристическая виза в США	21
Вторая встреча	25
Третья встреча. Консульство США	29
Глава 4. Жених и невеста	30
Отбытие	30
Встреча в Каролине	36
Дочки Дина	40
Будни	42
Ревность	44
Дом	47
Свекровь	49
Бракосочетание	50
Глава 5. Дин Адамс	53
Жизнь до меня	53
Как Дин пошел на сайт знакомств	55
Кикимора	57
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Тати Бин
Хана Американа, или
История маленькой женщины

Эта книга – художественный вымысел автора. Все совпадения с реальными людьми, событиями и местами случайны.

Глава 1. 14 февраля 2022

Я такое видела только в фильмах, но это произошло со мной наяву. Прямо в день смерти моего мужа Дина – 14 февраля 2022 года, – буквально через 3 часа после выноса тела, заявились Адамсы в полном составе. Принесли кипу бумаг и с официальным выражением лиц выложили ее на обеденный стол.

Речь начал толкать Джо Джонсон. Он, как сожитель бывшей жены Дина, считал своим долгом защитить права на наследство прежней супруги и дочерей.

– Как бы я ни желал не видеть ваши лица вновь, – заявил Джо мне и моей дочери, – но мне пришлось вернуться.

В его высоком голосе чувствовалась досада от того, что он вынужден общаться с нами: накануне ночью он уходил из нашего дома со словами: “Слава богу, я вас больше никогда не увижу!”

– Наследство есть наследство, – продолжил Джонсон, – и мы обязаны рано или поздно поднять эту тему.

Почему чей-то там любовник пришел к нам в дом делить наследство моего мужа, оставалось для меня загадкой.

Маленького роста, неприметной внешности, он имел совершенно незапоминающееся лицо. Увидь я его спустя день или два, я бы не узнала. При этом он бахвалился толстым кошельком и большими связями, а люди, не имеющие подобных связей и не знающие прав, превращались в его глазах в пыль.

Джо выдвинул из-под нашего обеденного стола стул и взгромоздился на него, как хозяин дома.

– Вы тоже можете сесть, – скомандовал он и указал нам на стулья, затем повернул голову на сопровождавших его спутников семейства Адамс и жестом пригласил к столу. – Разговор предстоит долгий.

Ванесса и я сели там, где стояли, и оказались по правую руку от самопровозглашенного адвоката, семейка уселась по другую прямо напротив нас. Мы не смотрели друг на друга. В воздухе воцарилось молчание, пока Коротышка его не нарушил.

– Мы выявили (Джо гордо называл себя и свою сожительницу с дочерьми «мы»), что Дин не оставил никакого завещания. А посему следует вывод, что то имущество, которое он имел при жизни – машины, дом, техника, земля, – отойдет штату, а уже потом штат будет решать, кому все это достанется.

Мне, только что потерявшей мужа, было абсолютно наплевать на то, что он там говорил. Хотелось, чтобы этот человек, возомнивший себя богом в доме, где совсем недавно мы счастливо жили с мужем и моей дочерью, побыстрее покинул наше жилище вместе с сопровождавшими его членами семьи и позволил мне хоть немного отжаться эмоциям и осмыслить произошедшее несколько часов назад горе.

Я почти не слышала, что он говорил, но из обрывков речи, что попадали в мозг, поняла, что мы с дочерью должны как можно быстрее покинуть дом, не взяв с собой ничего ценного. Нам “позволялось” забрать только то, с чем мы сюда въехали.

– Мы подумали и решили, – в приказном тоне снова заявил мужчина, – что ты можешь оставить себе свое обручальное кольцо. А все подарки и украшения, которые тебе Дин дарил, ты должна оставить нам. Так будет справедливо. И да, пока не забыл: ты должна нам половину денег с вашего совместного банковского счета.

Я плохо понимала, что происходит вокруг, слышала голоса, как в тумане, видела окружающих меня людей, как через пелену, а вся картина происходящего напоминала липкий, вязкий сон, а я не могла проснуться. Мне даже не показалось странным, что какой-то левый мужик

распоряжается моими подарками, украшениями, обручальным кольцом, разрешает мне пользоваться моими же вещами, считает наши деньги в банке.

“На счету в банке у меня как раз 1000 долларов, вчера проверяла. Если отдам им половину, то как же нам с дочерью жить? Мы ведь даже не сможем переехать на эти деньги!” – От этой мысли у меня все сжалось внутри.

В довершение ко всему сожитель бывшей заявил, что они с “семьей” решили сделать вдове великодушный подарок – подарить скутер! Скутер, который мне муж купил незадолго до смерти, чтобы я могла на нем ездить, пока не получу права на машину, – и этот скутер семейка Адамс решила мне “подарить”.

Но в тот момент я даже не понимала абсурдность происходящего. “Решили подарить мне мой скутер? – подумала я. – Ну что ж, спасибо, что хоть скутер оставляют и кольцо не сняли с пальца, а так хоть можно скутер продать и деньги сделать”.

Я была рада такому выходу из ситуации, и в голове возникла мысль: “Все-таки Адамсы великодушные люди, даже подарок мне сделали”.

Но на этом Джо не успокаивался, он продолжал изрыгать яд из своих уст:

– Все, что есть в доме, вам запрещено трогать, брать с собой или продавать. Все, что было куплено в вашем браке, ты тоже не имеешь права забирать из этого дома.

– А как быть с машиной? – спросила я. – Я ведь могу ее продать?

На это гнус тут же ответил заготовленными словами:

– Машина пойдет штату, так как завещания не было. А пока не определяют наследника, никто не имеет права ею распоряжаться. И да, сотовый телефон Дина хотели бы забрать его дочери. Освободи его, пожалуйста, от ваших совместных фотографий и отдай его Матильде и Люсильде.

“Вот-те на, – подумала я, – и телефон придется им отдать, это ведь последняя память о моем муже”.

С каждым его словом мне становилось все теснее и жарче в моей коже, я чувствовала себя загнанным в угол тараканом... Даже не мышью, а именно ничтожным насекомым, которого сейчас раздавят до кишок.

Я осознавала своим спутанным от трагических событий мозгом, что со смертью мужа жизнь начинает меняться кошмарным для нас с дочкой образом, что все наши прежние домашние устои, налаженная за четыре года семейная жизнь, наши маленькие радости и созданные нами традиции в одночасье превратились в прах. И превращал сейчас все это в прах некто мерзкий и отвратительный, какой-то мужик, которого я даже не хочу называть по имени, – он его не заслужил. Он просто сожитель той женщины, которая родила когда-то дочерей Дину.

Ради своей Кики (бывшей жены Дина) он готов унижаться перед другими, обманывать, красть, оскорблять людей, которых он считает ниже себя, и пойдет на все, чтобы заслужить снисхождение своей королевы. Таких в народе называют «...ополиз».

Остальные Адамсы сидели в ряд, плечом к плечу, по левую руку сожителя и дружно поддакивали каждому его слову. Это были младшая дочь Дина Люсильда, два года назад закончившая школу и живущая со своим бойфрендом на побережье Атлантики, на неделю приехавшая в родной город, ее парень Рон, ставший из-за отношений с Люси негласным членом семьи с 15 лет, и родной брат мужа Луи, с которым мы встречались вживую всего два раза за время нашего брака с Дином. Старшая дочь, 25-летняя Матильда, не явилась на семейные разборки, выказывая неприязнь и ненавистное отношение к нам с Ванессой. Она уже год жила в доме матери недалеко от нас, так как в очередной раз поссорилась со своим несостоявшимся парнем.

Я сидела на своем стуле и невидящим взором смотрела прямо перед собой. Рядом со мной все это время была моя дочь Ванесса, которая морально и психологически поддерживала меня во всем и старалась принять весь удар на себя, считая, что таким образом смягчает мое стрессовое состояние. В этом она была права: мы стали друг для друга единственной поддерж-

кой и опорой в этом новом, жестоком для нас мире. Если раньше “за мужем” я чувствовала себя, как за каменной стеной, то теперь у нас не осталось никого, кроме друг друга.

Дальнейшие слова гнусного упыря звучали еще более зловеще:

– Мы подготовим кое-какие документы, которые ты должна будешь подписать. Там всего-навсего нужно будет отказаться от твоей доли имущества, решим все миром, зачем нам распри? А в ответ на твою подпись я буду щедр и выплачу все больничные долги твоего мужа, а это без малого 500 тысяч долларов! Ты должна знать, что медицинская страховая компания отказалась покрывать расходы Дина за все время его обследования и лечения.

Тут у меня все похолодело внутри: «Неужели супруг не только не написал завещания, но ещё и оставил миллионные долги?» Казалось, что я стала героиней какого-то страшного голливудского триллера, я отказывалась верить в происходящее.

И, в то же время, хотелось ухватиться за соломинку: “Не такой уж он и противный, этот сожитель, он только что проявил благородство и предложил неплохой выход из ужасной ситуации – он готов оплатить “долги” Дина в обмен на мою подпись!” Мой мозг продолжал лихорадочно соображать: “Но к чему такая щедрость с его стороны? Почему он это делает? В чем подвох?” Я копошилась в своих мыслях и не находила ответа, пока не задала вопрос напрямую:

– Зачем ты это делаешь для нас?

Тут надо отдать должное артистическому таланту чувака: его глаза театрально намокли, лицо скривилось в плаксивую гримасу, а голос почти задрожал. Подняв лицо кверху и положив руку на сердце, он скорбно произнес:

– Дин был мне почти братом, я готов на все ради него.

В тот момент я успела подумать: “Странно, мой муж никогда не говорил о новоявленном братце в лице сожителя бывшей жены”.

И, в довершение к своей речи, “адвокат” в третий раз за это утро задал нам свой коронный вопрос:

– И когда же вы покинете этот дом?

Мне казалось, что я должна спасти наши шкуры от греха подальше: чем быстрее мы отсюда уедем, тем сохраннее будем и дольше проживем. Мне было страшно за наши с дочерью жизни!

– Мы постараемся как можно быстрее отсюда выехать, – спешно сообщила я. – Дайте нам две недели!

На этом гнус и семья успокоились, забрали кипу папок с нашего обеденного стола и отчалили на своей машине в сторону дома бывшей жены.

Таким образом, за один только день я потеряла мужа, а вместе с ним налаженную жизнь, подверглась оскорблениям, унижениям и шантажу, моя дочь стала жертвой нападения и успела подрасться, нам с ней угрожали убийством и расправой, и, напоследок, нас обокрали. Но об этом я расскажу чуть позже. А пока вернемся к началу моей американской истории.

Глава 2. Таня Адамс

Прошлая жизнь

Меня зовут Таня Адамс, свою фамилию я получила от моего теперь уже покойного мужа – Дина Адамса. А до встречи с ним я была Таней Романовой и жила в далеком сибирском поселке городского типа под названием Усть-Орда, который притаился в долине реки Куда недалеко от озера Байкал в Иркутской области.

С отцом моих детей у нас не заладилось с самого начала – это был студенческий брак, обреченный на провал. И протянув девять невыносимых лет, мы мирно разошлись. Помню, я пришла в суд и подала заявление на расторжение брака. Моего супруга в тот момент не было в Иркутске, он путешествовал по городам и весям России и никогда не интересовался жизнью семьи. Через 6 месяцев после заявления я уже радостно размахивала свидетельством о разводе и устроила в честь этого события небольшой семейный праздник. Бывший супруг узнал о нашем разводе через пару месяцев, когда соизволил позвонить из какого-то города. Вещей много собирать не пришлось – все свое бывший супруг забрал в поездку. Остатки я собрала в посылку и выслала в его далекое путешествие.

После развода с первым мужем я имела статус разведенки “с прицепом”, а после рождения второго ребенка, с отцом которой мы не регистрировали отношений, стала матерью-одиночкой с “двумя прицепами”.

Будучи врачом по образованию, я после получения диплома добросовестно отработала несколько лет в гинекологии. Моя первая зарплата составляла 100 долларов США, а с ночными дежурствами и увеличением стажа возросла до 200 долларов в месяц и сравнялась с зарплатой санитарок. Денег хватало только на самое необходимое.

За годы одиночества научилась делать всю мужскую работу по дому. Прибить гвоздь к стене – да запросто, вставить дверной замок в дверь – легче простого, отремонтировать утюг – раз плюнуть.

О своем прошлом говорить не люблю, потому что в нем не так много светлого, хотя советское детство было счастливым. Помню прыжки во дворе в нарисованные мелом классики, закрытые крышкой из фольги стеклянные бутылки с молоком и кефиром, многометровые очереди в булочную за свежим хлебом и пломбир в стаканчиках, который всегда был в дефиците и оттого казался еще вкуснее. То время вспоминается с ностальгией, потому что было беззаботным.

Молодость проходила в лихие 90-е. Холодными зимами после учебы приходилось каждый день стоять на остановке в очереди на автобус, который всегда набивался битком. Люди лезли в него так, будто это последний автобус в их жизни, а до следующего не доживут. Студенчество мне запомнилось как борьба за выживание: с людей на улицах срывали меховые шапки и воротники, снимали дубленки и золотые украшения – приходилось пришивать норковый головной убор сзади к воротнику пальто или волосам. Мы считали, что так надежнее, и никто не догадывался, что если вору нужно, то никакая резиночка, скрепляющая шапку и пальто, не спасла бы. В сумке носили нож или газовый баллончик, потому как хулиганом мог оказаться любой прохожий. А квартиры в 90-е грабили ежедневно.

До сих пор вспоминаю то время с содроганием и благодарю бога, что все остались живы. Но нет, ошибаюсь, не все... Многие так и остались там навечно, не дожив и до 25 лет. Во время дежурств в больницу, где я проходила студенческую медицинскую практику, постоянно привозили 20-летних парней с огнестрельными ранениями, полученными в бандитских разборках. Но чаще их не довозили живыми – они умирали в каретах скорой помощи либо на

операционном столе. Это коснулось и друзей: мой одноклассник, который втянулся в опасный криминальный бизнес, застрелился из собственного пистолета, хранившегося под подушкой. Кругом творились хаос, беспредел и мракобесие.

Молодость омрачилась еще одним событием личной жизни. Был у меня тогда лучик света: моя радость, счастье и лучшее творение – девочка, старшая дочь, которая родилась вместе с сыном, Артуром. Они были двойней. Диана была жизнерадостным, прелестным ребенком, не по годам умной и мудрой. Ее лицо украшали тонкие восточные черты: аккуратный, правильной формы идеальный носик, огромные черные все понимающие глаза и сложенные красивым бантиком точеные губки. Она напоминала красавиц-актрис индийских фильмов, которых перещеголяла бы по красоте. Ее восточная внешность привлекала внимание всех прохожих, где бы она со мной ни появлялась: люди нередко подходили рассмотреть ее поближе и не могли оторвать глаз. “Какая красивая девочка!” – невольно вырывалось у них. Но за внешней красотой моей дочери скрывалась страшная правда: она была обречена.

При рождении у Дианы была выявлена патология одного из внутренних органов, которая в дальнейшем привела к неизлечимому заболеванию. Много врачей нам тогда пришлось пройти, и традиционных, и нетрадиционных, и шаманов, и тибетских лекарей, и буддийских лам, и знахарей, но болезнь продолжала прогрессировать, а дочь как будто ее не замечала. Она “цвела и пахла”, играла с детьми в догонялки, кричала и смеялась, бегала по детской площадке, имела много подруг. Она радовалась жизни, как никто другой, а внутренний недуг никак не сказывался на красивом личике. Мой ангелочек принес мне и моим родителям столько радости, что не передать словами, но одновременно с этим столько же печали.

Диана прожила ровно 5 лет и умерла ранним июньским утром 2000 года в больнице скорой помощи города Улан-Удэ. Перед смертью она много раз повторяла: “Мама, я так сильно тебя люблю!..”

Мы похоронили ее на родине моего отца, в крохотной деревушке под названием Толодой в Эхирит-Булагатском районе Иркутской области. На ее маленьком надгробии из розового мрамора написали две фамилии: мою, девичью, и ее, по отцу, который был родом из далекой Индии. С тех пор мы отмеряем время длиной ее жизни: с ее смерти прошло четыре жизни.

Через несколько лет после развода родилась Ванесса: я сознательно не вышла замуж за ее отца и ни о чем не жалела; Артур к тому времени учился в школе и был единственным мужчиной в нашей семье.

В начале нулевых я обзавелась компьютером. Для нас он стал неслыханной роскошью: купила в кредит самый дешевенький из всех, что были в магазине. Конечно же, он долго не протянул, через год стал отдавать концы: заухал, засветился белым экраном и загудел, как паровоз. Я относил его в ремонт дважды за два месяца, пришлось нести в третий.

“Ну ничего, отремонтирую – авось да протянет ещё с полгода, – утешала я себя в очередной раз. – Это ничего, что машины нет, а брать такси денег нет, так даже экономнее – дотащу на себе, не в первый раз”.

Я несла тяжелый системный блок в -40 градусов в ремонтную мастерскую, до которой было два километра пути. Блок был таким увесистым и громоздким, что по дороге через каждые 2 минуты приходилось останавливаться, чтобы отдышаться. “Тяжелый, зараза! Наверное потому, что старый. Другим-то сыновья помогают, а мой еще маленький, во втором классе учится, – думала я по дороге, глядя на припорошенный снегом асфальт, чтобы не поскользнуться. – Хорошо, что мама приехала к нам жить, с мамой намного легче и не скучно, она и с лялькой управится, и по возвращении домой горячий обед на столе будет. – Тяжело дыша, я остановилась прямо посреди снежной улицы и поставила блок на затоптанный снег. Пальцы рук в двойных варежках заоченели и перестали слушаться, щеки онемели от колкого северного ветра. – Надо бы согреться в каком-нибудь магазинчике, но с большим предметом в руках,

наверное, не впустят внутрь. Хоть в предбаннике постою”. – С такими мыслями я неуклюже втиснулась в коридор бакалейной лавки и поставила объемный предмет на цементный пол.

“Поменять бы трубы, – продолжала я думать, пока отдыхала, – а то соседей снизу уже много раз заливала. Но на новые нужны деньги, где же их взять-то? Из заработков – только моя маленькая зарплата и пенсия мамы. Ладно, через полгода накоплю, а сейчас залатаем как-нибудь старые. Трубы появятся – надо найти средства на сантехников, поменять обои, починить замок в ванной, поставить вторую входную дверь, прочистить водосток... Ну ничего, и это одолею, не в первый раз. Фрукты детям? Только если недорогие, чтобы хватило до следующей недели”.

С такими мыслями я пришла в “Ремонт компьютеров”.

– Сегодня уже не успеем починить, приходите завтра. С вас 1500 рублей.

– Как не успеете? Неужели ничего нельзя сделать, мне компьютер нужен сегодня.

– У нас очередь, впереди вас еще 5 ноутов и один системник.

– Ну что ж, завтра так завтра, – обреченно выдохнула я, оплатила указанную сумму и угрюмо побрела обратно домой по холоду. Было досадно, что не посмотрю сегодня свой любимый сериал и не посижу в интернете.

Постепенно голова заполнилась бытовыми мыслями и планом предстоящих дел: “Не забыть бы собрать нужные “бумажки” для получения детских пособий – мне полагается целых 500 рублей в месяц за дочку: у нее в графе “отец” стоит прочерк. Так это счастье, что 500, у других-то вон, всего 250 – но они из полных семей, у них есть мама и папа. Кстати, когда же у меня был последний шоппинг? Кажется, в прошлом году. Купила одну кофточку, следующий устройю через год”. В свои 30 лет я была в доме и мужем, и женой, и матерью, и отцом, и бабой, и мужиком.

Унылые серые будни тянулись годами, так прошло 10 безрадостных лет, которые запомнились как череда серых монотонных будней и ощущение глубокого неудовлетворения собой. Мы продолжали жить в маленькой однокомнатной квартирке четвером: сын, дочка, мама и я. Дети подросли: Артур закончил школу и учился в университете, Ванесса пошла в 5 класс.

Личная жизнь не складывалась совсем, хотя с юности меня и считали красавицей, а мужского внимания всегда было в избытке. Бурятские гены моих предков когда-то перемешались с русскими, создав интересную внешность потомкам, представителем которых являлась я. Фигурой бог тоже не обделил, от бабушки мне достались пышная грудь и тонкая талия. С годами я становилась лучше: люди говорили, что в 40 лет выгляжу привлекательнее, чем в 20. Местные мужчины мне никогда не нравились, хотя всякий раз пытались вызвать интерес. Чем старше становилась, тем более убогие “кадры” претендовали на внимание:

– Вашей маме зять не нужен? – часто неслошь вдогонку от местных алкашей.

Мне хотелось бежать от всей этой убогости и серости, ведь я “звезда”, “достойна большего”! А перспектива выйти замуж за соседа Колю и переехать к нему в соседний дом, вести его хозяйство со свиньями и доить коров вводила в полный гнев на себя. “Нет уж, – думала я, – я не состарюсь и не умру там же, где родилась и выросла! Меня ждут великие дела и большие свершения!”

В довершение к жизнеутверждающим мыслям перед глазами все чаще проносились примеры счастливых и удачных браков, а от знакомых то и дело слышала: “У Петровых дочка вышла замуж за финна, счастливо живет в Финляндии, двоих родила”, “Наташка с соседней улицы познакомилась с французом, теперь в Европе живет припеваючи, и муж заботливый такой”, “Валина дочь развелась со своим и нашла немца, скоро переезжает, с двумя детьми ее взял...”.

Мне казалось, что в суете забот и мелких хлопотах жизнь проходит мимо, а я увязла в беспросветном болоте, и впереди ждали еще более серые будни и одинокая старость.

“Так не может больше продолжаться”, – решила я однажды. Я понимала, что в провалах не могут всегда быть виноваты люди, обстоятельства и злой рок. Чем больше анализировала, тем яснее вырисовывался шокирующий вывод: во всех неудачах виновата я сама! Я осознавала, что ничем не хуже Петровой или Наташки с соседней улицы или Валиной дочки, но оставался страх, что даже если я познакомлюсь в сети, международные отношения по привычке потерпят крах, так как первопричина во мне.

Что ж, нужно было начинать с перемены собственного мышления – и я обратилась к психологу. Долго пришлось мне тогда “лечить” сознание, но результат превзошел ожидания – я осуществила сокровенную мечту и нашла любовь всей жизни. А как это случилось, я описала в следующих главах.

Как я познакомилась с Дином

Прошло ни много ни мало около 12 месяцев. Прошедший год запомнился как череда многочисленных неудачных виртуальных знакомств и безрезультатных переписок с ненужными людьми, прежде чем я встретила Дина.

Мой день в то утро начался с проверки электронной почты. Допивая свой любимый крепкий чай с молоком, я нажала на значок браузера в компьютере и выглянула в окно третьего этажа: белая вьюга вилась по тротуарам и окутывала снующих пешеходов. На дворе стоял декабрь. “Какая сегодня красивая погода”, – просветлело на душе от приятного предчувствия, давно не было так спокойно и радостно. Я повернулась к светящемуся экрану и открыла почтовый ящик.

“У вас одно непрочитанное сообщение от мужчины Дин”, – прочитала в письме. “Что за Дин такой, сейчас проверим”. – Я нажала на письмо от мужчины и перешла по ссылке на уже порядком надоевший сайт знакомств: “Привет! Как дела? Что ты ищешь на этом сайте?”

“Та-ак, надо заглянуть в анкету. И кто же это такой? Наверное, очередной проходимец, коих развелось на просторах интернета пруд пруди”, – думала я, открывая страницу.

С единственной фотографии на меня смотрел голубоглазый брюнет брутальной внешности с шапкой жгуче-черных волос. На лице сияла легкая полуулыбка. Каким-то безгранично родным показался его облик, как будто мы давным-давно были знакомы, но судьба развела по разные стороны океана. Сердце забилося сильнее; с нетерпением начала читать дальше: 45 лет, 183 см, 100 кг, в разводе, дети взрослые. Страна – США, профессия – журналист!

Ни секунды не колеблясь, я настроила ответ: “Привет, Дин! Спасибо за твое сообщение! Меня зовут Таня, я ищу интересного мужчину для серьезных отношений”.

Немного подумав, добавила: “А что ты здесь ищешь, и как твои успехи?”

“Это он, моя судьба!” – крутилось в голове. Я с нетерпением ждала второго сообщения и с радостью получила его в ту же минуту: “Я так рад, что ты мне ответила! Ты очень красивая! Я ищу девушку для серьезных отношений, но мне не везло, пока я не встретил тебя!”

“Как приятно, – тихо радовалась я, – похоже, наши интересы и вкусы совпали! Он тоже рад встрече со мной! Но стоп, нельзя показывать повышенного интереса к мужчине с самого начала, не то спугну. Теперь надо вежливо отвечать на каждое письмо, проявлять умеренное любопытство и ни в коем случае не опережать события”. – В мыслях нарисовалась стратегия, ведущая к удачному хеппи-энду.

Я внутренне ликовала. После долгих, безуспешных поисков второй половинки у меня только что начало наклеиваться знакомство с интересным, а главное, притягательным, как магнит, американцем.

Я не могла понять, почему после первых же минут общения так тянуло к нему: было очевидно, что сторонники теории реинкарнации правы в том, что родственные души встречаются и узнают друг друга из жизни в жизнь.

В своем третьем письме будущий муж спросил: “Ты из Азии или наполовину азиатка? Как ты оказалась в России?” Я была привычна к такому вопросу, его задавали все европейцы и американцы, с которыми когда-либо приходилось общаться. Ответ был напечатан быстро: “Я коренная жительница Сибири, мой народ живет на берегах великого озера Байкал и зовется бурятами – и мы потомки Чингисхана”. Такое сообщение сделало меня еще более уникальной в глазах Дина: “О мой бог! Ты – потомок Чингисхана?! С ума сойти!!!”

С того дня мы ни на минуту не прекращали общение: куда бы я ни шла, что бы ни делала, телефон всегда был с собой, и вайбер регулярно дребезжал, доставляя сообщения от виртуального друга. То же самое происходило на другом конце провода: в любое время дня и ночи Дин был на проводе и старался отвечать без промедления и больших задержек.

Так, наша переписка длиною в 2,5 года привела к счастливому хеппи-энду, о котором я так долго мечтала.

Глава 3. Сибирско-американский роман. Приключения Дина в России

Первая встреча

Дин долго не приезжал на встречу со мной. На родине он столкнулся с неожиданными препятствиями, которые чуть не перечеркнули все шансы на поездку в Россию. Но об этом я поведаю позже.

Мы ждали дня нашей встречи в реальности целый год: наконец, любимый сделал визу и купил билет на самолет до Иркутска. Перед поездкой он настойчиво интересовался:

– А правда ли, что русские не любят американцев?

– В жизни такого не слышала, – отвечала я, – это все ваша западная пропаганда. На самом деле, у нас очень любят и уважают иностранцев, тысячи европейцев приезжают в Россию туристами каждый год. – Мне казалось, что я его убедила, но я ошибалась.

Как оказалось, Дин со школьной скамьи был напуган байками об СССР и русской службе безопасности. Американская пропаганда нашептывала ему: «Не едь в Россию, они не любят американцев. Сразу по приезде они запрут тебя в тюрьму и сошлют в ГУЛАГ».

Те друзья, которые знали о предстоящем путешествии, отговаривали его от поездки в страну красного коммунизма, хоть и понимали, что советский строй давно перестал существовать. Но Дин решил рискнуть своей свободой и жизнью ради встречи с далекой сибирской избранницей. Пока приятели кричали ему вслед: «Одумайся, ты можешь не вернуться из их лагерей!», мой виртуальный друг уже сидел в самолёте до Москвы, хоть и боялся всем сердцем жестоких, бессердечных русских.

Его сердце в первый раз екнуло, когда он приземлился в аэропорту «Шереметьево»: почему-то именно у него, иностранного пассажира, пропал багаж. «Дело не просто, – подумал американец, – тут явно замешаны службы безопасности. Наверное, они уже поджидали меня, чтобы арестовать».

Дин долго искал бюро находок: никто, к кому он обращался, не говорил по-английски и не мог понять, чего он от них хочет. Когда добрался до нужного места, его попросили следовать за людьми в форме, обычными работниками аэропорта, но американцу показалось, что КГБшники повели его на допрос. Они привели его в офис для досмотра багажа, но ему пригрезилось, что это было подвальное помещение без окон и дверей, а на потолке висела единственная тусклая лампочка, как в фильмах про НКВД.

Крупная женщина с именем “Olga” на бейджике начала натягивать резиновые перчатки на руки, чтобы досмотреть сумку Дина, но он решил, что сейчас начнут пытаться. Все его ночные кошмары ожили в один миг.

Он уже видел себя в наручниках и полосатой робе в лагере с людоедами, обнесённом колючей проволокой посреди снежной тундры в Сибири. «Вот он, ГУЛАГ», – прощался со свободой Дин и не знал, будет ли у него возможность отправить мне весточку из мест не столь отдаленных.

Пока он прикидывал в уме, сколько лет не видать свободы, ему сообщили, что все его вещи в порядке, и он может лететь дальше. Его посадили на ближайший рейс, следующий в мой город, – свой рейс он тогда пропустил.

Напуганный недавним инцидентом в “Шереметьево” и все еще пребывающий в шоке Дин, находясь на борту рейса Москва – Иркутск, старался высмотреть из иллюминатора «без-

жизненную пустыню снега и льда», которую показывают на американских телеканалах, когда говорят о Сибири, но, кроме темноты и облаков, ничего не видел.

Он прилетел в мой город ранним утром в феврале 2017 года. Его первым удивлением было обнаружить многоэтажные здания и ночные неоновые вывески на домах по пути из аэропорта в отель.

Я сознательно не встречала его на аэровокзале, так как знала, что наверняка он хотел бы понравиться мне, а после долгого перелета никто не может выглядеть хорошо. Дав ему время отдохнуть и привести себя в порядок, я приехала в отель днем.

В холле гостиницы подошла к зеркалу и поправила прилизанную от шапки прическу. Было очень волнительно перед встречей с потенциальным женихом: хотелось понравиться, произвести впечатление и не разочаровать в себе.

“Главное – вести себя естественно, – настраивалась на встречу я. – О, а вдруг мой голос ему не понравится? Надо было разговориться, а то молчала все утро, буду звучать глухо и скрипуче. – Я немного заробела от этой мысли и тихо выдохнула. – Ну ничего, с ним и разговорюсь. С богом!” – И я отправилась на лифте вверх.

Подойдя к двери его номера на втором этаже, долго не решалась постучать. Сердце колотилось с бешеной скоростью. Наконец, набралась решимости и тихо поскреблась. Мне никто не ответил. Постучала громче – в ответ тишина. Тогда я набрала сообщение и отправила на привычный номер в вайбере: «Я здесь, я у двери».

Дверь открыл Он, с мокрыми волосами. Он был в душе и не слышал моего стука. Это была наша первая встреча после долгой виртуальной переписки. Передо мной стоял тот самый парень с фотографии на сайте, но теперь оживший.

“Неужели это и есть он? На фото он мне казался симпатичнее, – пронеслось у меня в голове. – Слишком уж крупные черты лица, нос широкий и толстый, как у Депардье, и выглядит полнее...” – Легкая тень разочарования омрачила мое приподнятое настроение.

Увидев меня, американец просиял и сделал приглашающий жест. Все мое тело было сковано от напряжения: на деревянных ногах я переступила через порог и вошла внутрь номера.

– Ты очень красивая, – сходу сказал Дин.

– Спасибо.

Я почувствовала, что гора упала с плеч: “Слава богу, я ему понравилась! Теперь можно выдохнуть”.

Я уже смелее взглянула на избранника, чтобы оценить.

“А хотя может быть он и ничего: вон голос какой красивый, низкий баритон, прямо услада для ушей”. – Я слышала его по телефону, но то был другой, металлический звук, в реальности он звучал намного красивее. В голос своего будущего мужа я влюбилась с первой минуты.

Иностранец принял мою куртку и повесил в шкаф. Я продолжала украдкой его разглядывать. Дин выглядел молодо: на лице ни одной морщины, густые черные волосы аккуратно зачесаны наверх, по краю нижней челюсти от уха до уха темнела бородка в виде тонкой полоски, переходящей в усики над верхней губой. Фигура подтянутая и спортивная, хотя и намечался небольшой животик. Вишенкой на торте являлись голубые глаза в обрамлении черных ресниц.

“Так он знойный мужчина, оказывается. С первой минуты не разглядела, а со второй и третьей Дин Адамс просто душка, – начала понимать я и вспомнила его рассказы о бурной молодости. – Не зря девки на него вешались. Ну и что, что нос толстый, у Депардье тоже толстый, а он звезда номер один”. – Мысли кипели в голове, оценивая плюсы и минусы новоявленного “жениха”.

– Как ты сегодня? Как дети и мама? – голубоглазый брюнет прервал мои думы.

– Все хорошо, спасибо. Дети и мама отлично, ждут тебя в гости. Как ты долетел?

– Долетел неплохо... – Дин отвел глаза в сторону. Он утаил от меня инцидент в аэропорту Москвы, чтобы не расстраивать, и поведал намного позже, через несколько лет, уже в Америке. Он не хотел позволить мне переживать – беспокоился о моих чувствах с первого дня встречи.

От Дина приятно пахло незнакомым мужским парфюмом. Ростом и габаритами он удался – про таких говорят “здоровый и крепкий мужик”. Темно-синие джинсы свободно сидели, а голубое поло придавало еще больше синевы его глазам.

“Какие густые волосы, – невольно отметила я про себя, – ни лысины, ни седины не видно, надо же. Некоторые в 45 полностью седые или лысые, а ему так повезло с волосами”.

Краем глаза я заметила, что Дин тоже потихоньку меня разглядывал, но стоило встретиться со мной взглядом, он тут же их отводил. Я нашла в этом детскость и наивность, что выглядело безумно привлекательным и необычным в наши дни, он не был наглым и самоуверенным.

Несмотря на волнение, мы сразу нашли общий язык. Хотя я и владела английским, достаточно свободным для общения и переписки, но понимать моего американца было трудно, у него был южный говор, а он не привык к русскому акценту. Поэтому мы больше догадывались о смысле сказанного.

– Ты очень красивая, – через 5 минут снова повторил он.

– Спасибо. – Я радовалась, что мы понравились друг другу, и волнение почти совсем отступило.

Немного погодя сердечный друг достал из сумки тщательно свернутую упаковку. Прямоугольный предмет был неумело и чуть коряво завернут в блестящую бумагу лилового цвета и склеен по швам тонким скотчем, концы которого торчали на сгибах. Подал мне:

– А это тебе.

– Что это? – старательно изумилась я.

Я развернула сверток, порвав в нескольких местах, и обнаружила новехонький, блестящий золотистый айфон последней модели.

– Для кого? – округлила глаза и создала видимость крайнего изумления, хотя понимала, что подарок мне.

Когда взяла гаджет в руки, в упаковке обнаружила кусок белой бумаги, на котором красовалось нарисованное карандашом и вырезанное ножницами красное сердечко, пронзенное мохнатой синей стрелой. В центре “сердца” виднелись имена “Дин” и “Таня” на английском.

– Тебе.

– Ой, как это мило. Спасибо тебе большое, Дин.

Меня тронула детская непосредственность этого большого мужчины, было видно, как тщательно он готовил сюрприз: усердно заворачивал, рисовал, вырезал... Причем чувствовалось, что реакции на ручную поделку он ожидал гораздо большей, чем на новый айфон. Я не заставила ждать, чмокнула его в щечку и тепло обняла, отчего его белая кожа лица покрылась легким румянцем.

Я тут же побежала к своей сумке и достала заготовленный подарок – простой кожаный ремень, светло-коричневый с красивой пряжкой – и вручила гостю.

– Спасибо огромное. Ты не должна была ничего покупать, спасибо. – Дин был явно расстроган вниманием и крепко обнял меня. Он сунул ремень в свои джинсы – тот отлично подошел.

Я видела, что иностранец сильно устал после перелета, но решила сначала отвести поесть. Как раз недалеко от отеля расположилась кафетерия; очень захотелось удивить его борщом и котлетами (мне казалось, он будет в восторге от блюд русской кухни). Быстро собравшись, мы вышли на холодную зимнюю улицу.

Погода в том феврале стояла чудесная, температура, как по заказу, не опускалась ниже -15 С. «Повезло, что не -40, – подумала я. – Иначе впечатление от прогулки было бы испорчено. Хотя, если было -40, то ему было бы что рассказать по приезде домой. А тут зима не зима”.

Слегка взяла досада, что Дин не почувствует сибирской зимы во всей красе, а с другой стороны, теплая погода давала больше возможностей гулять по улицам.

Американец вышел на мороз в одних джинсах и расстегнутой куртке с оголенной шеей. Я предупредила еще в номере, что он замерзнет, но тогда же я поняла, что Дин очень упрям. Мы вышли из отеля, и холодный ветер заставил его застегнуться через 2 минуты. “То-то же, – мысленно ликовала я, – теперь убедится, что со мной лучше не спорить”.

С застывшими от бессонницы глазами и взглядом, как у зомби, мой друг шел по центральной улице зимнего Иркутска и с огромным любопытством, будто попал на другую планету, разглядывал заснеженную улицу, смотрел вверх на крыши домов со старинной архитектурой, изумлялся проезжающим в одном ряду право- и леворульным автомобилям.

– Как ты? Как себя чувствуешь? – видя его изумление, смеясь, спросила я.

– Ощущение, будто попал в кино, мне все еще не верится, что я в России, – было первое впечатление Дина от моей страны.

В кафетерии я решила разом заказать самые, на мой взгляд, типичные блюда отечественной кухни: борщ, пельмени, котлеты, салат «Оливье», оладушки со сметаной и блины с вареньем. Дин молча согласился с моим выбором. Мы сели за столик, и я стала показывать, как надо заправлять борщ сметаной. Дин повторял за мной. Я съела первую ложку борща и предвкушала его восторг и удивление. Мой гость, попробовав две ложки красного супа, не проявил особого восторга, но остался джентльменом и сделал комплимент блюду. Так же он поступил с остальными яствами: перепробовав их все, не закончил ни одного, при этом продолжил нахваливать мастерство поваров и изысканный вкус кушаний.

В этом был весь он, мой Дин Адамс, он бесконечно благодарил за то, что получал, и всегда был рад тому, что имел, не требуя взамен ничего.

Наутро в отеле мы пошли на бесплатный завтрак. Из всех расположенных на шведском столе блюд Дин выбрал две полные тарелки фруктов и рисовую кашу.

– Какая вкусная каша! – воскликнул он, отведав первую ложку.

– Каша как каша, – распробовав, я не нашла ничего необычного.

– И все-таки она очень вкусная, я никогда не ел такой. – Он пошел за второй чашкой.

Мне было странно слышать такое. Позже я выяснила, что “кашей” в Америке считается овсяная крупа быстрого приготовления, которая продается в сваренном виде в фастфудах и магазинах, надо только согреть в микроволновке. На вкус это мешанина с водой, приправленная фруктовыми ароматами и вкусовыми добавками. Поэтому позже, оказавшись на родине мужа, я с удовольствием варила ему рисовое “блаженство”.

Его бесконечно удивляло отсутствие льда в подаваемых в России напитках. За океаном лед незаменим и подается во всех напитках без исключения.

Дину казалось невероятным, что у нас в домах настолько горячие батареи; в Северной Каролине, откуда он родом, температура зимой в помещениях немного выше, чем на улице. Его изумило огромное количество пешеходов повсюду – у них в стране никто не гуляет по улицам, все ездят на автомобилях. Он постоянно нахваливал все, что видел, пробовал или слышал.

Чтобы удивить иностранного гостя ещё больше, я первым делом повезла его на зимний Байкал, который хорош в любое время года, а в феврале особенно промерзший и матерый.

Дин опасливо ступил на прозрачное зеркало ледяного озера и сделал первый шаг. По всей видимости, в тот момент все его существо опустилось в пятки, но ни единый мускул не дрогнул на лице: он не мог перед дамой сердца ударить в грязь лицом. Позже увидел легковой автомобиль, несущийся по поверхности льда, – это окончательно вывело из равновесия и «добило» сознание:

– Вот это народ, какие вы бесстрашные! – воскликнул Дин и добавил: – Теперь я понимаю, почему вы победили Гитлера!

– А как же?! – с гордостью заявила я.

После прогулки по льду Байкала мы с другом зашли в прибрежный грузинский ресторан, где он попробовал хинкали и грузинское вино, а потом отправились домой на маршрутке.

Для моего гостя первая поездка в Сибирь стала неопишным шоком и незабываемым событием всей жизни, которое позже он вспоминал, как посещение сказки, где главной героиней и «сказочной принцессой» была я, его далекая сибирская подруга. Таким образом, я была несказанно рада показать американскому гостю нашу «сказочную жизнь», а он звонил друзьям в Америку и с восторгом рассказывал, как своими глазами видел машину, несущуюся по льду Байкала.

В те 8 февральских дней я отвезла Дина на малую родину в Усть-Орду, поселок городского типа (столицу Бурятского округа) в Иркутской области. Нужно было познакомиться мужчину моих грез с родными – мамой и детьми. Перед встречей с ними он трясся, как школьник перед экзаменом. Мы сели в маршрутное такси на Центральном рынке города Иркутска и поехали. Проезжая по частному сектору городской окраины, Дин во все глаза таращился на резные деревянные дома, обнесенные высокими заборами. Русская архитектура ему была в диковинку, он не переставал восхищаться увиденным.

Через 60 километров мы въехали в поселок. Через заледеневшие стекла маршрутки иностранец изо всех сил старался разглядеть заснеженные улицы и деревянные дома, ему это было особенно интересно, потому что в этом месте родилась и выросла я.

Наконец, подъехали к моему дому. Я шла впереди, Дин следовал за мной, боясь дышать. Но ничего страшного, как он позже выяснил, с ним в моей квартире не произошло: он познакомился с семьей и был накормлен «Селедкой под шубой» и пельменями. Никто не говорил по-английски, кроме меня: я была переводчиком и посредником. Гость вручил моим домочадцам привезенные из Америки подарки – по новому айфону детям и резную деревянную шкатулку с красной бархатной отделкой маме. Закончив знакомство с семьей, мы вернулись в город.

Приближался день отлёта Дина на Родину. Мы успели посетить все музеи и торговые центры, пообедать в хороших ресторанах и поужинать при романтических свечах. Из местных достопримечательностей я показала все, что было доступно и открыто в зимнее время в Иркутске: парки, памятники, красивые постройки и православные церкви. Архитектура последних вызвала в любимом неподдельный восторг! Он только и успевал фотографировать на телефон золотистые купола и разноцветные кружева башен храмов. #

Сильное впечатление американец получил от посещения мемориала «Вечный огонь». Он и подумать не мог, насколько глубоко мы чтим память павших воинов во время ВОВ. С досадой Дин упомянул, что в Америке несравнимо меньше почестей отдадут ветеранам.

Особое удовольствие мы с Дином получали от ежедневных неспешных прогулок по зимнему парку. Заснеженные ветви сверкали и переливались на солнце, сквер был полон причудливых узоров. Зимний парк вызвал в моем друге совершенно новые ощущения – Дин прежде никогда не бывал в северных широтах. А кружащаяся белая поземка, наметавшая живописные сугробы на тротуарах, была отдельным произведением искусства, что конечно же не осталось не замеченным моим спутником.

Но каждую прогулку по парку приходилось заканчивать в каком-нибудь ближайшем торговом центре, так как злоупотреблять здоровьем будущего, как мне хотелось, жениха, который гулял со мной в одинарных джинсах без утепления, я не желала. Как я ни убеждала, что мужики у нас зимой носят штаны под штанами, Дин мне не верил и считал, что его-то уж точно пронесет. На мои вопросы: «Тепло ли тебе, американец, тепло ли твоему красному носу и дрожащим коленям?!», он отвечал: «Тепло, милая, тепло... брррр...»

Я провожала его в Иркутском аэропорту на рейс до Москвы ранним февральским утром 2017 года. Неделя в Иркутске пролетела, как один день. Было грустно и одиноко на душе. Перед отъездом Дин спросил, какую музыку люблю слушать, ответила, что любимая песня – это “Wonderful life” в исполнении Black.

– Хорошо, теперь она будет и моей любимой. Когда буду скучать по тебе, буду слушать ее, – ответил, глядя на меня печальными глазами.

Уже в самолёте, как позже Дин признался, во время долгого 30-часового перелета он вспоминал нашу встречу и все 8 дней, проведённых вместе, и жалел только об одном: если вдруг самолёт рухнет или с ним что-то случится в пути, он так и не успел сказать, как глубоко я запала ему в душу и как сильно он хотел, чтобы я была в его жизни всегда!

Туристическая виза в США

После первой поездки в Россию Дин решил пригласить меня в Америку познакомиться с семьей и друзьями.

“О нет, это же дохлый номер, мне, одиночке с двумя детьми, вряд ли дадут туристическую визу, на 90% влепят отказ”, – обреченно подумала я, когда Дин предложил. – Но откуда ему, американцу, знать о наших заморочках с визами. А если начну отнекиваться и объяснять процент отказов и причины, он меня неправильно поймет и решит, что не хочу приезжать”.

Мне до жути хотелось посетить его дом, но было рискованно потратить много усилий, времени и денег впустую. “А если бы подались на визу невесты, тогда другой разговор, – досадовала я и не знала, под каким соусом преподнести эту идею. – Вдруг решит, что тороплю события, хотя... я их и так тороплю, чай не 18 мне уже. Да к тому же виделась всего один раз, скажет, что мало знает меня. Но он-то мне понравился, и я ему понравилась, чего тянуть-то? Зачем тратить время на какую-то туристическую?” – недоумевала я.

Я так и не смогла намекнуть Дину на визу невесты, не хотелось наглеть и опережать события.

Скрепя зубами и скептически настроенная, я согласилась начать оформлять турвизу в США.

– Подсчитай все расходы, – написал мне на вайбер Дин, – я отправлю столько, сколько скажешь.

“Какой ты у меня щедрый. – На душе стало приятно от мысли. С каждым днем, с каждым новым поступком сердечный друг-американец нравился мне все больше. За месяцы, что мы знакомы, при переписке и живом общении Дин ни разу не проявил жадность или жалость к деньгам и расходам. Это в высшей степени импонировало.

Я начала считать. Предстояло заплатить за услуги турагентства в Иркутске, номер в отеле столицы на две ночи, за билеты до Москвы и обратно, питание и карманные расходы. Итого получилось около 1500 долларов. “Надеюсь, это не сильно нахально будет озвучить, – забеспокоилась я. Хоть Дин и просил написать ему сумму, которая нужна на поездку, мне не хотелось показаться слишком “дорогой” и “кидающей деньги на ветер”.

Скромно потупив взгляд, я назвала ему сумму предстоящих расходов во время видеозвонка в скайпе.

– Хорошо, – ответил Дин, ни секунды не колеблясь, – постараюсь выслать 2000 долларов на следующей неделе. Путь 500 будут про запас, чтобы ты в поездке ни в чем не нуждалась.

– Спасибо тебе, дорогой. – Я расплылась в улыбке.

“Как же с ним легко, ничего не надо объяснять, долго извиняться и отчитываться за каждую копейку, как было в семьях приятелей, – благодарила я бога. – Редкий мужчина так понятлив и не требователен, не просит бухгалтерский учет, не считает расходы на калькуляторе, а молча шлет деньги”. – Не было никого в прошлой жизни, с кем было бы настолько комфортно, как с ним. Дин выгодно отличался от знакомых мужчин по всем параметрам.

Наконец, ранним апрельским утром я вылетела в Москву и поселилась на две ночи в выбранном мной отеле. Собеседование было назначено на завтра в 10.00 утра; мандраж начался задолго до этого.

Когда выходила утром из столичной гостиницы, все пошло не так. Я долго не могла найти правильный выход из отеля: их было несколько, а мне нужен был тот, что вел к метро. Я заплутала и бродила по длинным пустым коридорам первого этажа, не найдя даже ресепшн и осознавая, что это недобрый знак.

Наконец, кое-как разобравшись в плане помещения, вышла в верном направлении и села в поезд метро. Проехав несколько станций и выйдя из подземки, осознала, что ошиблась оста-

новкой. Снова неприятно кольнуло в сердце: “Что же это такое? То выход найти не могла, то не на той станции вышла”. Но быстро отогнала суеверные мысли и зарядилась новыми: “Зато вон какое солнце сегодня, и времени в запасе достаточно”.

До Американского консульства пришлось идти пешком километра два. Мобильник я оставила в номере, так как с телефонами все равно не пускали внутрь, поэтому свериться с гугл-картами не могла и искала адрес по бумажной схеме.

Всю дорогу я подбадривала себя оптимистичными мыслями, несмотря на упрямые подсказки интуиции, которую старалась засунуть поглубже. “Тебе снова не повезет, – шептало внутреннее чутье, – ты неудачница, во всем тебе не везет”. “А ну, заткнись! – сознание спорило с подсознанием. – В этот раз фортуна мне точно улыбнется, вот увидишь!”

Незаметно я приблизилась к серому зданию в несколько этажей с торчащим из стены американским флагом. К боковой двери на первом этаже тянулась, извиваясь, огромная очередь в несколько десятком метров.

“Наверное, это и есть оно, святейшее из святейших мест – Консульство США?” – задала я себе риторический вопрос и заняла место в хвосте. При виде такого скопления народа всех слоев общества и возрастных категорий у меня немного отлегло от души: я была не одна.

Через 15 минут закапал дождь, перешедший в густой косой ливень. Люди в очереди достали и открыли зонтики, одна я осталась стоять в тонкой курточке, заранее не предусмотрев ни одежду, ни погоду. Под непрекращающимся проливным дождем куртка быстро промокла насквозь, по плечам, волосам и спине потекли струи холодной воды. Я стояла мокрая и продрогшая насквозь, а очередь все не сдвигалась с места. В сердце снова нехорошо кольнуло: “Да что же это такое? Что за день такой? Но ничего, вон люди тоже попали под дождь, не я же одна”. Я прогнала пессимистичные мысли и взбодрилась – к счастью, толпа медленно двинулась в направлении правительственного здания.

В здании Консульства я очутилась через час. Усилием воли я сдерживала дрожь от холода и волнения и крепко стиснула челюсти, чтобы утихомирить стук зубов. Еще через час приблизилась к окошкам для интервью. Нервное напряжение перешло в тремор рук и усиливалось по мере сокращения расстояния.

“Вот они, уже близко... Вон консулы за стеклянными перегородками. Вот бабушка с внуком, довольные, закончили интервью, наверное, получили визу, а вон та пара, тоже оба улыбаются и даже засмеялись – видимо, и им ее одобрили. Ну, раз всем одобряют, то и мне должны”, – успокоила я себя. Сердце бешено колотилось, стук его отдавался в ушах. Следующей иду я...

У левого окошка освободилось место – как раз то, где стояли бабушка с внуком. “Ну что ж, с богом!” – я подошла к стеклянной перегородке. Консул – американка средних лет и неяркой внешности – продолжала что-то заполнять на компьютере.

– Здравствуйте!

– Здравствуйте!

– Были ли Вы ранее в США? – на корявом русском с ходу спросила она.

– Нет.

– Есть ли у Вас там родственники?

– Нет, – ответила я честно.

“Пока все идет спокойно, ничего экстраординарного, вроде, нет, – подумала я, слегка отойдя от волнения. – И тетечка, кажется, не злая, да и я нормально выгляжу, не похожа на террористку, – продолжала я думать, пока консул заносила мои ответы в компьютер. – Должна понравиться ей, хотя жаль, что не мужчина попался... мне говорили, фактор симпатии играет большую роль”.

– С кем планируете ехать?

– Одна.

Наступила небольшая пауза: женщина за стеклом в течение минуты стучала пальцами по клавиатуре и молчала. “Наверное, анкеты большие, поэтому так долго пишет, работа у них такая. Если бы мне грозил отказ, она бы сразу озвучила, не строчила так долго”. – Я окончательно успокоилась и продолжала ждать у стеклянного окошка, пока тетечка не закончила заполнять анкету. Оторвав взгляд от монитора, она посмотрела через стеклянную перегородку мне в лицо и строго произнесла:

– Сожалею, но в визе вам отказано. Надеюсь, в следующий раз вам повезет больше, – и хлопнула печатью по бланку.

Как будто удар молнии прошел все тело, я содрогнулась от чувства унижения, сильной пощечины и обиды на эту американку. Женщина в окне говорила что-то еще, но я уже не слышала, уши заложило.

Я отошла от окна и медленно, едва переставляя ноги, побрела к выходу, держа в руке письменный вердикт. Вглядываясь в бумажку, не понимала написанного, буквы расплывались перед глазами.

“Что это было? Неужели так звучит отказ? Мне отказали? Правда?” – Все еще не верила. Осознание приходило постепенно.

Из здания консульства выходила с глазами, полными слез, шла и не видела дороги. В голове роились мрачные мысли: “Как же я сообщу об этом Дину? Он ведь так надеялся, а я получила отказ?” Я чувствовала себя виноватой в случившемся: недостаточно хороша, не оправдала доверие консула, не достойна визы.

“Приду в отель и буду звонить любимому. И кто знает, как он воспримет эту новость. Вполне возможно, все поменяется между нами – и он больше не захочет связываться с неудачницей, которая даже не может получить визу. Наверное, ему станет безразлично со мной общаться, – обреченно подумала я. Хотя я и знала, что мне грозил отказ, но получить его в действительности было намного больнее и обиднее. – Может быть, я зря втянула его в пучину своих поражений, и он только теряет время? Ведь нет конца и края моей черной полосе”.

Я снова почувствовала забытый страх невезения и злого рока, которые преследовали меня последние годы. Казалось, что черная жизненная полоса никогда не закончится и наш едва начавшийся роман так и не перейдет из виртуального в реальный.

Мне было ужасно обидно и досадно за Дина, который вложил в мою поездку столько переживаний, ожиданий, приготовлений и материальных расходов.

Вернувшись в номер, я тут же набрала номер Дина, настроившись и приготовившись к печальному повороту судьбы:

– Алло, Дин?

– Да, милая? Как ты? Какие новости? – он явно ждал от меня весточки, судя по тому, как быстро ответил.

– Мне отказали в визе... – едва произнесла я. На том конце провода повисла гробовая тишина. – Алло? Дин? – я попыталась реанимировать “уходящие” отношения, мне стало не по себе.

– Как отказали? Что ты говоришь такое? – для него мои слова стали шоком.

– Так и сказали, что я не достойна посетить Америку. – Во мне говорила обида. Подсознательно я вымещала ее на бедном Дине, который не заслуживал этого. – Дин, неужели я настолько не достойна вашей страны, что меня отфутболили? – Мой голос срывался почти на плач, в глазах стояли слезы.

– Дорогая, не говори так, пожалуйста. Ты достойна лучшего, а это какое-то досадное недоразумение. Прости меня за их решение, ты ни в чем не виновата. Раз они не дали тебе визу, то я снова к тебе прилечу в ближайшие месяцы, и прилечу с приятным сюрпризом. Вот увидишь, милая, все будет хорошо, мы все равно будем вместе. – Мой американец, как мог, успокаивал меня.

Я продолжала слушать его низкий баритон в трубку, чувствуя радостное успокоение. Слова любимого вселили уверенность и подарили новую надежду на светлое будущее. Тучи, собравшиеся над опечаленной головой, разбегались, на душе становилось уютно и безмятежно. “Ничего между нами не закончено, – с любовью подумала я. – Какой же ты замечательный, настоящее чудо, мой любимый, единственный и неповторимый Дин”.

– Таня, дорогая, а сейчас послушай меня: что бы ни случилось, как бы ни повернулась к нам жизнь, всегда знай – я никогда не оставлю тебя! Я всегда буду с тобой и буду ждать столько, сколько потребуется! Ты поняла меня?

– Да, поняла. Спасибо, любимый. – Мне уже было наплевать на случившийся недавно провал в консульстве, я была благодарна богу и судьбе за этого чудесного человека, посланного свыше.

– А сейчас поменяй билеты и немедленно отправляйся домой, не ночуй больше в отеле. И начинай приготовления к моему новому приезду, – приободрил меня Дин. Его голос звучал бодро, он изо всех сил старался осчастливить меня словами, но позже я узнала, чего стоило ему спокойствие. На душе у Дина скребли кошки, ярость и обида на решение консульства распирала, ему хотелось рвать и метать. Но ничего этого он мне не показал: при разговоре оставался спокойным, счастливым и любящим мужчиной.

Мой любимый, мой родной Дин! Как же ты умел любить – крепко, глубоко, навсегда! Если ты полюбил однажды – ты предан своей любви на всю жизнь!

Слова дорогого мне человека подарили крылья за спиной. Этим же вечером я улетела обратно в Иркутск, полная счастья, любящая и любимая.

Вторая встреча

После отказа в туристической визе прошло два месяца. Дин всю собирался снова посетить меня: оформил трехлетнюю визу в Россию, закупил мне и моей семье подарков, забронировал отель в моем городе и заказал билеты на самолет.

Я тем временем планировала новую культурную программу: искала и выбирала лучшие места на Байкале, намечала музеи и достопримечательности, покупала сувениры и гостинцы его семье.

Второй визит жениха пришелся на жаркое лето 2017 года. После долгого перелёта и 12-часовой разницы во времени Дин в первые дни вновь напоминал ходячего зомби с красными глазами и ничего не понимал. Все еще боясь наших местных полицейских после прошлого инцидента в “Шереметьево”, он разговаривал со мной шепотом и старался обходить стороной всех людей в форме.

Дин не заходил со мной ни в одно из служебных помещений, где мне нужно было получить какой-нибудь документ: ему все время мерещились работники органов госбезопасности, которые только и ждут, чтобы заключить американца в наручники. Даже в отеле на ресепшн будущий жених разговаривал шепотом.

Потом была дорога на Байкал. А так как машины у меня не было, я повезла его на Ольхон (остров на озере) на пассажирском микроавтобусе.

Лихой водитель несся с бешеной скоростью, совершая опасные обгоны и подпрыгивая на каждом бугорке. Дин, не привыкший к такой «пьяной» езде, боялся, что до места назначения живыми не доедем. Но, слава богу, через каких-то 5 часов мы достигли турбазы на острове озера Байкал.

Нас поселили в маленький домик, где не было ни интернета, ни мыла, ни завтраков, ни полотенец. Квадратная комнатка вмещала себя две односпальные кровати, прикроватные деревянные тумбочки, пару обшарпанных стульев и расцарапанный старый столик для кухонных принадлежностей. Душевая комнатка, выкрашенная в синий цвет, была настолько узкой, что едва вмещала широкоплечего Дина.

Я корила себя за выбор захолустного отельчика, хотя на сайте были прописаны все удобства, но любимый заверил, что это лучшее место на свете, какое он когда-либо видел или посещал.

Конечно же, он лукавил. Мой дорогой Дин делал все ради того, чтобы я не винила себя и испытывала спокойствие и радость. И достигал своей цели: рядом с ним я была безумно счастлива, всегда!

Нам предстояло прожить на Ольхоне 3 дня. Более-менее приспособившись к спартанским условиям турбазы, мы даже стали находить в этом некую романтику: не вытираться после душа, а обсыхать, вместо горячего завтрака поесть «доширак», а вместо ужина при свечах тихо сидеть перед тусклым чайником с горячей водой, так как местное кафе работало только до обеда.

От базы отдыха до озера было рукой подать, поэтому мы ходили на берег каждый день по 2–3 раза, гуляли по острову и наслаждались прекрасными видами священного для моего народа Байкала.

Дин восхищенно смотрел на меня и фотографировал при каждом удобном случае: вот я задумчиво склонила голову над гладью воды, вот изогнула шею на закате солнца, вот повела рукой, как лебедь, а вот прошлась плавной походкой по берегу озера.

– Я так рад, что встретил тебя. До сих пор не могу поверить, что бог послал мне такой подарок! – повторял Дин изо дня в день, с восторгом глядя мне в глаза. – Ты и красива, и умна,

и образованна, и добра сердцем. Как такое может сочетаться в одном человеке? – Говоря это, он выглядел абсолютно счастливым.

Дин был влюблен по уши. Взгляд его голубых глаз с черными ресницами обволакивал мягким и нежным теплом, в уголках светилось безграничное обожание. Когда наши взгляды встречались, уголки его губ радостно приподнимались в улыбке. Это были одни из редких моментов, когда улыбался ртом, – он чаще улыбался глазами.

Его любовь невозможно было не заметить, хоть он и не облакал ее в слова, и я понимала, что он стеснялся выразить себя. В такие минуты он писал мысли на телефон и отправлял мне. На турбазе не было вайфая, это придавало больше романтичности нашему отдыху, но давало меньше технических возможностей, – поэтому мой спутник воспользовался дедовским способом: вырвал из привезенного с собой блокнота листок и что-то вывел ручкой. Сложенный листок Дин подложил под мою подушку.

– Что это? – Мне показалось это забавным и напомнило кидание записками в пионерском лагере.

Дин многозначительно молчал, опершись на спинку стула, на котором сидел, и загадочно смотрел, хитро прищурив глаза. Я развернула листок. Крупными буквами была выведена фраза на английском: “Я люблю тебя больше жизни!” Рядом красовалось нарисованное ручкой сердечко в три линии, пронзенное мохнатой стрелой.

Мой милый Дин, какой же он был романтичный и по-детски наивный.

Я кинулась ему на шею и обняла так крепко, что он не смог дышать, в ответ Дин тоже обнял и одарил поцелуями. Мы были счастливы. Я положила голову на его широкую грудь и осознала, насколько дорог мне этот мужчина, прилетевший за тысячи километров, через океаны и моря, с другого континента, из другого мира.

Я так долго ждала того, кто боготворил бы меня и любил за то, что я есть, – и вот нашла! Что бы я ни делала и ни говорила, как бы ни выглядела, Дин всегда смотрел с восторгом и обожанием.

Рядом с нашим маленьким домиком были пристроены такие же кубические строения, где жили немногочисленные соседи. В начале июня туристический сезон для гостей острова еще не открыт, поэтому были заполнены около 10% жилых будок. Пройдя по травяной тропинке между рядами домов, мы подошли к деревянному забору турбазы, потемневшему от времени. Отодвинув железный засов скрипучей калитки, очутились на широкой улице ольхонской деревни, по которой вилась желтая песчано-глинистая дорога. Хозяйка турбазы накануне рассказала нам маршруты: налево пойдешь – кафе найдешь, направо – берег Байкала. Мы решили сначала сходить налево, а потом направо.

В том кафе, которое находилось слева и работало только в утренние часы, Дин впервые в жизни попробовал вяленый омуль. Омуль ему пришёлся по вкусу, а традиционное блюдо бурят – буузы (аналог тюркских мант) – он нахваливал постоянно, несмотря на то, что те не были вкусно приготовлены. Ему нравилось все, или он просто говорил, что ему нравится все.

На острове Ольхон я знакомила его с традициями и обычаями своего народа: вот “Шаман-камень”, там священное для бурят место, куда бросают монеты, а тут столбы с цветными ленточками. Мое шаманское вероисповедание вызвало в Дине нешуточный восторг, о таком он слышал только по телевизору. И это было для него ещё одним поводом подчеркнуть мою уникальность.

В один из вечеров мы сидели на каменистом утесе берега и любовались оранжевым закатом.

– Ты сейчас в самой глубине Сибири на маленьком острове посреди огромного озера, ты веришь в это? – спросила я его.

– До сих пор не верю, – произнес Дин, глядя на бесконечный горизонт.

– Как ты здесь себя ощущаешь?

– Как в кино, – снова повторил любимый, как и в первый свой приезд. – Здешняя природа мне очень напоминает родину, Северную Каролину: такие же горы, озера, такая же красивая природа и столько же много зелени.

Позже американец признался, что он ни в жизнь не мог представить, что где-то на Земле ещё остались столь нетронутые, первозданные уголки природы. Необузданная дикость байкальских красот приводила его в трепет и заставляла ликовать. И украшением всей поэзии Дин снова называл меня:

– Ты моя сибирская принцесса. Если бы не ты, я бы не заметил и половины красоты природы.

Мой будущий жених настолько впечатлился величием и роскошью Байкала, что по приезде в Америку написал статью в газете, в которой работал журналистом, о путешествии в райский уголок Сибири. Рассказ Дин украсил аутентичными фотографиями уникального озера с островом и шаманских ритуальных мест, а в конце статьи поместил снимок “его сибирской принцессы”. Публикация получила приз штата за лучшее написание в номинации «Путешествия».

Три дня на Байкале пролетели незаметно. Накануне отъезда мы с Дином, как обычно, гуляли по песчаному берегу холодного озера, шутили и смеялись по какому-то незначительному поводу. О купании в озере не могло быть и речи: вода в Байкале была ледяной (таяние льдов начинается в мае, а описываемые события происходили в начале июня).

Стояла прекрасная солнечная погода, а с поверхности воды дул легкий прохладный бриз, ласково глядя лицо своим дыханием.

Мы подходили к самому концу пляжа и у подножия высокой скалы Дин предложил начать играть в пантомимы. Каждый из нас должен был изображать какую-то смешную фигуру, пуская в ход руки, ноги и весь торс, пока другой стоит, отвернувшись. По сигналу «готово» угадывающий должен был определить, что это за фигура и насколько весело она выглядит.

Подошла моя очередь угадывать. Первые два раза я легко определила, что мой спутник изображал – всадника и какого-то спортсмена. На третий раз на команду «готово» я повернулась и увидела, что Дин сжимает в пальцах и протягивает мне маленькое, переливающееся на солнце яркими бликами золотое колечко с прозрачным камешком. Этот великолепный сюрприз мой жених планировал долгие месяцы, пока мы были в разлуке после его первого визита!

Затем мой будущий муж встал на одно колено и спросил:

– Согласна ли ты стать моей женой?

– Конечно же, да! – ответила я и расплылась в улыбке.

Как же долго я ждала этого дня! Сокровенные мечты воплотились в реальность в 40 лет с мужчиной моих грез и открывали чудесную страницу новой жизни.

Оказалось, что все эти дни до предложения руки и сердца жених старательно хранил колечко от моих назойливых глаз, дабы не испортить сюрприз. Он прятал его на дне зимних ботинок, которые привез из Америки, собираясь носить на Байкале, несмотря на стоящий на дворе июнь-месяц. Я оценила чудесный подарок жениха, отдав должное его изобретательности и богатой фантазии. Дин был безмерно рад моему “да”, а я предвкушала предстоящие приятные хлопоты по приготовлению к бракосочетанию. Теперь мы могли официально называть друг друга женихом и невестой.

После предложения руки и сердца окрыленный Дин улетел домой. Дома он подал петицию в иммиграционные органы, где излагал следующее:

«Многоуважаемые служители закона! Прошу вас разрешить мне, вашему гражданину, заключить брак с россиянкой ввиду огромной любви и невозможности жить без неё. Страсть как охота жениться! Необходимые документы о моих доходах, а также свидетельства наших с ней встреч и пылкой любви к письму прилагаю. Засим жду вашего позволения и благословения на наш счастливый брак! Ваш покорный слуга Дин Адамс».

Долго нам тогда пришлось ждать ответа. Прошло 6 месяцев прежде, чем мы услышали “ваша петиция одобрена”. “Ну, неужели? – подумала я, – а как же моя черная полоса? Тьфу на нее!” С тех пор я больше никогда не думала о неудачах и невезении, потому что девизом сделала фразу “Теперь мне везёт всегда!”

В этот мучительно долгий период ожидания одобрения петиции могут произойти самые непредвиденные события: жених вдруг может устать ждать и слиться на полуделе; оба могут передумать жениться; в петиции могут отказать по причине неверия в истинные намерения влюбленных. Но нам с Дином это не грозило, мы были твердо уверены в чувствах и намерении не разлучаться никогда.

Третья встреча. Консульство США

Наконец, нам было назначено новое интервью в Американском консульстве, мы с дочерью полетели в столицу. Ванесса – имя она получила в честь тогдашней знаменитой американской скрипачки китайского происхождения Ванессы Мэй – получала визу вместе со мной как дочь невесты американца. Мой сын Артур с нами поехать не мог: по визе невесты я могла забрать с собой детей младше 21 года, а сыну уже было 22. К тому же ему надо было заканчивать магистратуру, он учился в Иркутском “Нархозе”. “Ну да ладно, он потом к нам с сестрой приедет, как только мы обустроимся в новой стране”, – думала я.

Дин тоже прилетел в Москву, чтобы поддержать нас и присутствовать на собеседовании.

Молодой консул, увидев нас троих в окошке, даже не стал много спрашивать – мы выглядели убедительно. Виза невесты была одобрена через 5 минут.

Я не могла поверить в столь легкий и быстрый успех. “Как так? – внутренне ликовала я. – Мы ждали целый год окончания бумажной волокиты и еще год до этого ушел на переписку с женихом. А тут раз – 5 минут, и готово! Вот это да-а! Похоже, удача навсегда повернулась ко мне лицом!”

Мы выходили втроем из американского консульства и не могли сдержать радостных эмоций: хотелось летать и прыгать! Мой жених поздравлял и обнимал по очереди меня и Ванессу. Мы беспрестанно улыбались, глядя на недоумевающих прохожих, и возбужденно разговаривали.

В Москве мы надолго не задержались: посетили самые людные и популярные достопримечательности: Красная площадь, музеи, торговые центры, рестораны, выставки и еще много чего. Мой жених улетел на родину на второй день после интервью, мы с дочкой на третий вернулись в Сибирь, чтобы собрать вещи и навсегда отчалить на ПМЖ в Америку.

Глава 4. Жених и невеста

Отбытие

Наступила пора сбора в дальнюю дорогу. Паспорта с визой невесты мне и визой ребенка невесты моей дочери сроком на 90 дней пришли курьерской почтой через 3 дня после интервью.

Суженый, как обычно, отправил денег на предстоящую дорогу: на билеты в один конец и карманные расходы. Я запаслась подарками для его матери и детей, упаковала багаж и забронировала билеты до Северной Каролины, где был наш будущий дом: живописный штат на обширном участке земли между Нью-Йорком и Флоридой и от берегов Атлантики до гор Аппалачи.

Сумок набралось целых шесть: четыре больших и две в ручной клади. Беспокоило то, что за перевес придется много доплачивать. «Ну, да ничего, все-таки насовсем в Америку летим, и жених мне отправил достаточно денег на все расходы», – успокаивала себя я.

С мамой и сыном мы попрощались накануне вечером. Не хотелось долгих напутствий и слезных речей, к тому же, не знала, чего ждать от поездки: слышала, что некоторых “заворачивали” на американской границе, поэтому боялась сглазить удачу. А чтобы не тревожить родных ночным отъездом, вызвала такси.

И вот мы с Ванессой отправились в аэропорт города Иркутск, чтобы успеть к пятичасовому рейсу на Москву. Я читала раньше, что многие люди, уезжая на ПМЖ в другие страны, начинали испытывать неимоверную тоску уже при отъезде из родного дома, еще находясь в дороге. Я же не испытывала ничего, кроме волнения и мандража от предстоящей поездки.

Под монотонный гул автомобиля хотелось закрыть глаза и отдаться неге, но предстоящий путь не давал расслабить ни одну мышцу тела. Ребёнок, не успев сесть в машину, тут же погрузился в царство сна и мирно посапывал у меня на плече. “Везет же детям, никаких заботушек”, – успела подумать я и в сотый раз начала перебирать в уме список взятых документов, необходимых для пересечения границы.

Путь нам предстоял длинный: 30-часовой межконтинентальный перелет с пересадками и ожиданиями в транзитных зонах – сначала до Москвы, потом до Нью-Йорка, дальше до Роли – столицы штата, где ждал суженый.

Мне, никогда не летавшей на другой континент, такое путешествие казалось сродни полету на Луну, и до конца не верилось, что это происходит со мной. Я сидела в ночном такси и смотрела в темноту за окном, а в голову лезли самые разные воспоминания 40 лет моей ничемной жизни: из детства, юности, студенчества, зрелости. Я воспроизводила в памяти наше с Диним неслучайное знакомство через интернет, душевные разговоры, его приезды ко мне на родину. Вспоминала все с ностальгией и благодарностью, что все сложилось именно так, а не иначе.

Припомнилась наша первая встреча. Как хорошо, что тогда пошла на этот сайт, иначе никогда бы не встретила судьбу. Я была в разводе, Дин на другом конце земли тоже в разводе – и надо было такому случиться, что именно в этот день и час оба очутились в одном месте в одно время, и оба были одиноки и несчастливы. Если до сих пор мне совсем не везло в личной жизни, то тут вдруг крупно повезло: встретила американца, который был и симпатичен, и умён, и образован. Хорошо, что английский я уже знала, могла свободно общаться, читать и писать: изучила его как-то между делом, когда ездила работать в Египет.

Желтые дорожки фар нашего такси уверенно пронзали кромешную темноту апрельской ночи. Прямо по курсу над шоссе висел круглый диск золотой луны, бросая блики на бескрай-

ние степи малой родины. Мерно покачиваясь на заднем сиденье, я продолжила предаваться воспоминаниям, которые то и дело вызывали улыбку.

В один из дней мы шли по городу, я показывала Дину местные достопримечательности. Целью было отвести его на вещевую барахолку, пронизанную русским духом и китайским товаром – где он ещё такую увидит?

Экскурсия по базару затянулась на долгих пару часов по зимнему холоду, после которых нам захотелось освежиться в местах под буквами «М» и «Ж». А так как другого выбора не было, то остался только рыночный туалет в подвале. Туда мы и направились.

Как позже я узнала, в США все туалеты бесплатные, поэтому для иностранца было первым шоком, когда пришлось сначала отстоять мавзолейную очередь, а потом заплатить 20 рублей за двухминутное посещение сомнительного по чистоте публичного места.

Дина долго не было видно. Через какое-то время он появился из подвала с застывшими от удивления глазами. Первый вопрос был:

– У вас что, туалеты платные?!

– Да, – ответила я. – А у вас они что, бесплатные? – В этот раз была удивлена я.

– Вы даже на туалетах делаете деньги? И кто из нас капиталист после этого?! – засмеялся он.

Дин мне рассказал, как он, заплатив за вход, ринулся внутрь помещения: билетерша, доедая жирный пирожок с мясом, волевым жестом остановила его и всучила кусок наждачной бумаги, а-ля туалетной, и полное ведро воды. В довершение сунула ему в руку с наждачкой унитазный ёршик. Изумленный американец побрел в кабинку, не зная, что со всем этим делать. В кабинке все исправно работало: и унитаз был цел, и смыв исправен. Выйдя оттуда, вернул женщине ее добро нетронутым.

Позже Дин задавал мне вопрос: «Что это было?», но увы, ответа у меня нет и по сей день. Думаю, после таких случаев у иностранцев и рождаются слухи о «загадочной русской душе».

Я вспоминала приключения Дина в Сибири и в темноте машины тихо улыбалась. Через 10 минут такси въехало в хорошо освещенный Иркутск и взяло курс на аэропорт, еще через 15 мы припарковались у главного здания. Прохладный, свежий апрельский воздух ударил в ноздри, разбудил последние спящие клетки мозга. Расплатившись с водителем, мы с дочерью закатали наши многочисленные сумки на досмотр. За лишний багаж пришлось заплатить несколько тысяч рублей, но их уже не было жаль. Наконец, все было пройдено, и мы очутились в зале ожидания. Волнение не покидало: впереди еще долгий шестичасовой перелет в Москву, а затем проверка виз и других документов для иностранного рейса. Я мысленно молилась богу, чтобы все прошло благополучно.

Вскоре объявили посадку на Москву. Еще через полчаса мы усаживались поудобнее в салоне. Хотя “поудобнее” это нельзя было назвать: рейс Иркутск – Москва никогда не был для меня удобным, это 6 часов сплошных мук и адских пыток – ни уснуть, ни растянуться в кресле, ни положить ногу на ногу.

Мы с дочерью заняли свои места, но из-за тесноты дышали в затылки впереди сидящим пассажирам, при этом получая удары в спину коленками позади сидящих. В конце концов, кое-как прижав ноги к себе и сев полубоком, стали наблюдать в иллюминатор, как самолет набирал высоту.

Через 3 часа мучений я все еще не сомкнула глаз, а мой ребенок свернулся клубочком и спал, положив голову мне на колени. Постепенно мысли куда-то унеслись, сладкая дремота овладела мозгом, что редко случалось со мной в самолетах.

Очнувшись от голоса бортпроводницы: “Уважаемые дамы и господа, застегните, пожалуйста, привязные ремни, через 30 минут наш авиалайнер совершит посадку в аэропорту “Шереметьево”.

Наш стыковочный рейс “Аэрофлота” до Нью-Йорка вылетал через 2 часа. Мы с Ванессой быстро прошли проверку документов и очутились в зале ожидания внешних авиарейсов. Ценники в кафе и ресторанах светились немислимыми по меркам сибирской глубинки цифрами: чашка кофе равнялась цене полноценного обеда во вкуснейшей столовой Иркутска.

– Мама, у меня в животе урчит, мы можем тут перекусить? – Ванесса смотрела на аппетитные круассаны на витрине.

– Может, в самолете пообедаем? Там обильно кормят, тем более скоро посадка. – Мне было действительно жаль таких денег на один кофе и круассан. Многолетняя привычка одинокой матери, выбивающейся из сил, давала о себе знать.

Дочь не настаивала: она привыкла к моему прагматизму. Оставив ее просьбу безответной, мы медленно направились к стойкам выхода на посадку.

– Мама, а как меня примут дочки Дина? Они не будут против нас? – похоже, этот вопрос мучил моего ребенка больше всего.

– Конечно, нет! Дин мне говорил, что они ждут нас, а Люси хочет подружиться с тобой. – Младшая дочь Дина была на год старше Ванессы, и мой жених страстно желал, чтобы дочери подружились и стали сестрами.

– А как я буду с ними разговаривать, я же не говорю по-английски?

– Научишься. Ты же будешь в языковой среде, а дети очень быстро учатся.

В зоне ожидания международных вылетов глаза разбегались от количества и разнообразия внешностей и национальностей пассажиров, в ушах звенело от обилия незнакомой речи на разных языках. Все шумело и пестрело.

Работники этой зоны отличались чрезмерным дружелюбием и улыбчивостью. Стюардессы той же авиакомпании, но летящие в развитую державу, беспрестанно улыбались и предлагали свою помощь.

С салоном самолета и креслами нам тоже очень повезло: я сама бронировала рейс и выбрала двухместные сиденья в конце салона. На спинках передних кресел у пассажиров сияли экраны встроенных телевизоров, там же предлагался список голливудских фильмов, которые можно было смотреть на десятке распространенных языков мира. За время перелета нас кормили 2 или 3 раза и на десерт всем раздавали превкуснейший пломбир.

Салон самолета был действительно очень комфортным и не сравним ни с одним из ранее опробованных мною. Мы с Ванессой удобно расположились в полулежачем положении, скинули обувь и надели предложенные белые тапочки. В шикарном кресле можно было лежать, сидеть, плясать, прыгать и просто наслаждаться полетом. Раньше фразу “наслаждайтесь полетом” я считала насмешкой над пассажирами эконом-класса, но этот полет полностью соответствовал состоянию наслаждения.

Мы посмотрели желанные фильмы, прочитали книги, вкусно пообедали и успели поспать. Я, качая ногами, кайфовала от комфортабельности салона, сидя в кресле. Моя дочь наелась пломбира и смотрела “Гарри Поттера” по встроенному телевизору. Все 10 часов полета показались сплошным раем.

Мне захотелось увидеть себя в зеркало: все ли в порядке с макияжем? И как я буду выглядеть перед будущим мужем? “Та-ак, помаду подправлю при подлете к земле, а так вроде ничего. Ну, морщины у рта и носа уже давно появились, ничего не поделаешь, главное – не сильно морщиться на солнце, чтобы жених не заметил. И вообще, Дин меня видел уже три раза в реальной жизни, и ему все понравилось! – успокаивала я себя. – Если бы не понравилась, разве сделал бы он мне предложение? – Я с удовольствием начала разглядывать бриллиантовое колечко на безымянном пальце. – Нет, я ему не только понравилась – он в меня влюблен без памяти!” – Самодовольная улыбка тронула кончики моих губ, слегка приподняла их и углубила маленькие морщинки у рта.

Мне снова вспомнился смешной случай с женихом в Сибири, его приключения очень умиляли.

В один из вечеров мы зашли в вечерний ресторан: не терпелось показать, как весело у нас гуляют и танцуют после застолья.

На танцполе отплясывали стройные девушки 25–30 лет, задорно кидая взгляды в зал и на входную дверь в ожидании достойных “кадров”. Представительницы женского пола в этом ресторане составляли 90% всех клиентов, и только двое седоволосых мужчин за 60 совершали танцевальные движения в одном кругу с девушками.

– А где все мужчины? – вопрошал мой будущий муж, не веря своим глазам и снимая на камеру телефона удивительный для него факт.

Я, привыкшая к картине, когда девушек на пирушках всегда больше, не находила в этом ничего особенного, более того, это казалось нормой жизни.

– Дома сидят, – отвечала, даже не задумываясь.

Дин же привык к тому, что у него на Родине основную массу вечеринок и попок составляют мужчины, процентов 70–80, а женщин всегда меньшинство. К тому же, в Америке выбор дам модельной наружности более чем скромный, по моему субъективному мнению.

Он не переставая снимал на телефон сидящих в зале и танцующих людей, ощущая себя по ошибке попавшим на женский девичник. Отснятые видео суженый тут же посылал друзьям с вопросом: «Угадай с трёх раз, где я сейчас?». Повсюду на видео плясали, ходили, сидели и стояли стройные девушки на высоких шпильках и с волосами по пояс. Тех двоих седовласых старцев, которые активно дрыгали ногами в начале вечеринки, уже не было видно: они мирно посапывали на своих стульях.

Как отреагировали друзья жениха на видео из российского ресторана, Дин не говорил, но уверена, были в полном шоке от концентрации красоты на один квадратный метр.

После принятых на душу трех бокалов шампанского наступила фаза эйфории, и душа тоже запросилась в пляс. Я, оставив жениха сидеть одного, так как он отказался выходить, пошла трясти стариной. Через 10 минут Дин усилием воли заставил себя выйти на танцпол, чтобы не бросать меня одну. Сказать, что он стеснялся, не будет правдой, он жутко стеснялся. Почти весь вечер Дин был единственным мужчиной, танцующим в кругу из 30 девушек.

Об этом он еще долго рассказывал друзьям и знакомым по приезду в Америку со всеми новыми подробностями, чем вызвал у всех желание посетить “эту чудную страну”.

Созерцая синюю гладь неба в иллюминаторе, я вспоминала смешные моменты с Дином и мечтала о том, что когда-нибудь напишу мемуары, и будут они не хуже, чем “Невероятные приключения итальянцев в России”.

“Дин, мой Дин Адамс. Где же ты был все годы моего одиночества и трудной молодости? – мечтательно вопрошала я. – Почему мы не встретились раньше, скажем, 10 лет назад, а то и 20? Сколько дел чудесных мы могли бы сотворить! Ах да, 10 лет назад ты был глубоко женат и не мог сидеть на сайте, а 20 лет назад не было интернет-знакомств. Ну что ж, бог захотел, чтобы встреча произошла именно сейчас, когда мне 40, а тебе 45, когда за спиной неудачные браки, трудная жизнь, предательство, обман и коварство близких. Все это – позади, а теперь нас ждет светлое будущее и много-много счастья, вот увидишь, мой милый, так и будет!”

Шел десятый час полета. Наше воздушное судно приступило к снижению. Под монотонный рев двигателей мы вынырнули их-под непроглядной белизны густых, как парное молоко, облаков и оказались над гигантским городом, который я видела только на фотографиях и в фильмах. Мы приземлялись в аэропорту Кеннеди в Нью-Йорке.

Впервые ступив на американскую землю, мы с дочерью ощущали себя, как во сне.

– Неужели это Америка? – Ванесса лицемерла воздушную гавань и, казалось, не находила разницы со своей страной.

– Видишь? – я указала в сторону сразу нескольких очень тучных работников аэродрома, туда же посмотрела дочь. – Это и есть Америка. – Страну я всегда ассоциировала с фигурами больших людей и небоскребами.

Зайдя внутрь помещения, двинулись по течению вместе с толпой пассажиров. По пути к паспортному контролю я продолжала разглядывать идущих, стоящих, говорящих работников аэропорта разных оттенков кожи, весовых категорий и комплекций. Ванесса не обращала особого внимания на людей и молча следовала за мной, рассматривая обклеенные англоязычной рекламой стены. На тот момент уровень ее английского не позволял читать и понимать смысл американских вывесок и надписей, она всего лишь узнавала знакомую рекламу.

На паспортном контроле, который внушал самый страшный ужас, нас радушно приветствовал светловолосый молодой офицер. Проверая документы, он между делом задавал самые шуточные вопросы на английском.

– В какой штат дальше летите?

– В Северную Каролину.

– О, хороший штат, я там ни разу не был.

– Какую музыку ты любишь? – обратился к моей дочери.

– Он спрашивает, какая музыка тебе больше нравится.

– Я люблю рэп, – охотно ответила Ванесса, улыбаясь мужчине.

– Она любит рэп. – Ответила я. Наш разговор напоминал игру “Сломанный телефон”.

– О нет! Только не рэп! Я совсем не любитель рэпа, люблю попсу, – замахав рукой и улыбаясь, весело заявил мужчина, продолжая штамповать наши паспорта.

После такого расслабляющего разговора с пограничником сразу отлегло от души: “Ну, слава богу, кажется, пронесло, нас сейчас впустят на Американскую землю!”

Наконец, виза была одобрена, и – аллилуйя – мы законно пересекли границу Соединенных Штатов! Интуиция сделала вывод: как страна приняла, так жизнь дальше и пойдет, а следовательно, все у нас сложится замечательно!

Отойдя чуть подальше от паспортного контроля, я ликовала и прыгала, как ребенок, пытаюсь подключить к своей радости Ванессу. Она проявляла меньше восторга, но это было объяснимо: ей не пришлось столько нервничать перед полетом, как ее маме.

Я решила набрать номер жениха и обрадовать грандиозной новостью.

– Алло, Дин? Мы здесь! Мы в Америке! – закричала я в трубку, не в силах сдержать порыв эмоций.

– Наконец-то! Как я ждал твоего звонка, любимая! Поздравляю! Как все прошло?

– Все прошло отлично! Офицер попался добрый, нас твоя страна приняла замечательно!

А как ты?

– Я на работе, в редакции, попытаюсь сделать как можно больше сегодня, чтобы завтрашний день провести с вами. Как Ванесса?

– Она чувствует себя превосходно, спасибо.

– Как прошел полет?

– Это был лучший рейс в моей жизни! Я даже не мечтала о таком.

– Хорошо, любимая, я буду на связи, звони или пиши в любое время. Вечером буду встречать вас в аэропорту Роли.

Не отходя от кассы, мы позвонили родным в Иркутск, маме и сыну, и поделились радостным известием. Затем двинули огромную тележку с сумками в сторону терминала внутренних авиарейсов.

После прохождения пограничного контроля мне уже ничего не было страшно. Быстро зарегистрировавшись на рейс до столицы Северной Каролины, мы сдали багаж и пошли на новый вылет.

Все 1,5 часа в самолете до Северной Каролины мы с Ванессой спали, как убитые: отключились на взлете и разодрали глаза после приземления. Заспанные, опухшие и растрепанные, пошли к выходу, где ждал Дин.

Вот он, стоит с цветами у выхода! Я узнаю его из тысяч: голубоглазый брюнет с шапкой густых, черных волос – его видно издалека. Дин крепко сжал меня в объятиях и поцеловал:

– Ну, привет, красавица!

Потом обнял Ванессу и чмокнул в щечку.

Так, в апреле 2018 года началась наша американская жизнь.

Встреча в Каролине

Дин Адамс катил нашу тележку с сумками к парковке и, казалось, не верил своим глазам: он часто поглядывал в сторону нас дочерью удостовериться, здесь ли мы еще.

– О мой бог! Не могу поверить глазам, что вы здесь, – восклицал он. Я только ухмылялась. – Я снова заглянул в вайбер проверить, нет ли там сообщения от тебя, я так привык к мессенджеру за два года нашего общения.

Дин, счастливый, обнял меня за плечи. У меня не осталось сил на эмоции, хотелось побыстрее растянуться в кровати, но с женихом нужно было поддерживать беседу. Он так же, как и мы, волновался, беспокоился и не спал предыдущую ночь.

Мы вышли из здания аэровокзала в сумерках и направились к усеянной светом многоэтажной парковке напротив. Теплый апрельский климат Северной Каролины резко отличался от суровой атмосферы Прибайкалья. Куртки нам с дочерью больше не понадобились – они лежали на багажной тележке. Ванесса сонными, неподвижными глазами смотрела перед собой и была похожа на зомби, я пыталась выглядеть чуть бодрее и старалась поддерживать диалог с женихом.

– Как твоя мама, она знает о нашем приезде?

– О да, она ждет не дождется, чтобы обнять вас обеих.

– А как Мэтти и Люси, я надеюсь, они примут нас хорошо?

– Они тоже ждут вашего приезда и очень рады за меня. Люси ждет Ванессу, чтобы подружиться с ней.

Через 10 минут мы уже выезжали с крытой парковки, а моя дочь моментально уснула на заднем сиденье внедорожника. Я сидела на переднем кресле по правую руку от Дина. Стараясь разглядеть ночную Америку, изо всех сил раздирала сонные глаза, но меня вырубил через 10 минут. Очнулись мы только тогда, когда Дин заглушил двигатель. “Вот и наш дом! – услышала я сквозь сон.

Мы с дочерью проспали полсуток и проснулась не на утро, а ночью следующего дня. Наши биологические часы опережали Североамериканское восточное на 12 часов, из-за чего день нам казался ночью, а ночь днем.

Жених был очень понятлив: пока мы спали, успевал съездить на работу, вернуться и приготовить ужин. Ванесса и я потеряли счет времени – кажется, мы проспали целых пять дней. Мой бедный Дин перестроил режим и стал бодрствовать по ночам, чтобы мы не чувствовали себя одиноко, и ложился спать ранним вечером, сразу после работы. Как это отразилось на его работоспособности, я тогда даже не думала. Но Дин подстраивался под нас, как мог, в ущерб себе.

Мы с Ванессой смогли оценить красоту Северной Каролины на утро пятого дня. Нас окружали бело-красно-розово-бордовые соцветия шикарных кустарников, издающих невероятные ароматы. Они сплошь и рядом росли вокруг дома и в саду. Воздух из леса, который окружал дом жениха, был сказочно богат кислородом и пах неведомыми травами и цветами. Все цвело и благоухало.

Местность, где жил Дин, была пригородом маленького городка, больше напоминавшая хутор на отшибе. Соседние дома были расположены в большом отдалении друг от друга, создавалось ощущение, что мы совсем одни, в лесу. На самом деле, ближайшая бабушка-соседка жила в 300 метрах, в лесу напротив: днем она гоняла на автомобилях разных марок, по вечерам прогуливалась быстрым шагом мимо наших окон. Чуть подальше, в километре, жил кузен жениха: держал около 100 голов скота и занимался фермерским хозяйством. Остальные соседи жили в двух и более километрах.

Несколько десятков таких хуторов, как наш, и городков, к одному из которых мы относились, образовывали округ, а округа объединялись в штат. Все это мне удалось выяснить за первые дни проживания в Каролине.

Несмотря на провинциальный статус, жизнь в здешних хуторах выглядела весьма цивилизованно: шикарные двухэтажные дома возвышались прямо посреди леса, шоссе дороги проходили через всю сельскую местность, а светофоры дружелюбно подмигивают водителям на каждом перекрёстке.

Во всех домах, как бы высоко в горах или глубоко в лесу они ни стояли, были проведены холодное и горячее водоснабжение, системы кондиционирования воздуха, интернет и асфальтовые подъездные дороги.

Позже, когда путешествовали в Аппалачи, мы заезжали высоко в горы по серпантину: и там тоже стояли белоснежные особняки, окруженные гектарами зелёных массивов и бескрайних холмов. И думала: «Как это они вообще туда забрались, да ещё и дом построили?» И те дома в горах были построены не абы как, а по последнему слову дизайна. Людям просто нравилось уединение с природой и жизнь вдаль от цивилизации, но со всеми удобствами. А если что-то нужно, то машины в количестве 2–5 всегда под рукой, они могли тут же съездить в ближайший магазинчик в полчаса езды и купить все необходимое.

Дом будущего мужа был построен его родителями в старом стиле и тянулся в длину, а не в высоту, в виде коридоров с множеством дверей и комнат: в день приезда мы с Ванессой все время терялись и не могли найти ванную комнату и спальни. Окна выходили на лес с неизвестными видами высоких деревьев, а три боковые стеклянные двери – на зеленые коротко стриженные газоны с кустарниками, которые расцветали только в апреле. Романтичность обстановки довершали выбегающие из леса белохвостые олени: каждый второй день они паслись на лужайке перед домом. По всему казалось, что мы попали в сказку про Белоснежку, где дружно сосуществовали люди и животные, и не хватало только гномов. Как могли мирно соседствовать развитая цивилизация и дикая природа, оставалось для меня загадкой.

В этом же доме раньше жила бывшая жена Дина с детьми. Мебель и стены были покрашены в черный и темно-серый тона: на вопрос “почему стены такие темные?” жених ответил, что прежняя супруга любила мрачные краски. Моя первая мысль была, что это симптом психического расстройства... Далеко ли я ушла от истины, узнаете позже.

Когда мы более-менее адаптировались к местному времени, Дин решил вывезти нас “в свет”: по плану стояло посещение будущей школы Ванессы. Вторым пунктом являлось представление семье – дочерям и матери, будущей свекрови. Моя дочь прервала учёбу в России в середине 8 класса, мы намеревались определить ее в аналогичный американский. К счастью, градация возрастов в США не отличалась от российской.

Жених, я и дочь с волнением сели в машину и отправились в город, где располагалась школа. Дорога тянулась по ровному, красивому шоссе с белыми и желтыми полосами, словно только что нарисованными. Вокруг дороги густо и близко рос лес, иногда прерывающийся на белые двухэтажные дома с балконами, окруженными цветниками. Чем дальше мы ехали, тем больше я удивлялась увиденному.

– Как в непроходимой чаще можно было построить столь роскошные здания? – задавала я себе и Дину вопрос. В ответ он пожимал плечами, потому как никогда об этом не задумывался. Дин был прав: природа Северной Каролины действительно напоминала сибирские дебри, но была пронизана развитой инфраструктурой.

Мы с дочерью во все глаза таращились на окрестности из окон автомобиля и не заметили, как въехали в низкорослый городок с аккуратными и уютными улочками.

– Почему все здания одноэтажные? У вас не бывает многоэтажных? – недоумевала я, не заметив ни одного высокого строения.

– Бывают, но в больших городах. – Дин невозмутимо крутил руль, затем повернул ко мне голову и весело подмигнул. – Это у вас там все дома многоэтажные, а расстояния короткие. А тут мы любим размах и растем вширь.

– Вот что имеется в виду под “одноэтажной Америкой”, – многозначительно подытожила я сама про себя.

Мне было интересно наблюдать за изменившимся Дином: когда мы встречались в России, он казался тихим и неприметным, говорил шепотом и боялся проходить мимо людей в форме. “Наверное, в Америке он такой же тихий”, – было мое умозаключение. Но дома, в своей стране, жених вел себя абсолютно по-другому – был смелым, громкоголосым и уверенным, это был другой человек, который нравился мне гораздо больше того, с которым познакомилась в России. Я сидела в машине по правую руку от него и заново открывала для себя.

Все здания, кафе и офисы городка состояли из одного уровня и слипались друг с другом, образуя сплошные ряды без проемов. Вдоль дорог стройными рядами росли полуэкзотические деревья одного роста с одинаковой квадратной кроной. На каждом третьем–пятом здании развевался флаг государства. На улице не было ни одного пешехода.

Наконец, мы подъехали к одноэтажной школе. Она тянулась в длину и ширину на много десятков метров. Нас с дочерью охватило волнение – мы впервые собирались войти в учебное заведение, которое раньше видели только в голливудских фильмах.

Очувтившись внутри, взгляд первым делом упал на длинный коридор с рядами шкафчиков вдоль стен. Блестящий лакированный пол отливал желтизной и отражал свет потолочных ламп дневного освещения.

– Ванесса, смотри, шкафчики как из фильмов! – Как любительница американского кино, я была в восторге от увиденного. – Встань рядом, давай я тебя сниму на камеру!

Мы проделали небольшую фотосессию, пока Дин терпеливо ждал (он всегда был очень терпелив, за что я его обожала). Дальше по коридору стоял стеклянный стенд с наградами и кубками команд школы по американскому футболу с фотографиями лучших спортсменов. У стендов пришлось задержаться на несколько минут, чтобы запечатлеть памятный момент и отправить снимки родственникам в Иркутск. “Артур и мама будут впечатлены”, – думала я, снимая школу на видео.

Вскоре мы подошли к овальному кабинету с круглым столом посередине, напоминающему конференц-зал.

– Здесь будет встреча, – заявил жених, сжимая в руке папку с документами, в которой были табель успеваемости Ванессы из предыдущего класса, российского, переведенная на английский язык, а также медицинская справка о вакцинации и копия свидетельства о рождении, тоже на английском. Причем Дин сразу предупредил, что все заботы о школе и документах он возьмет на себя, мне ничего не нужно делать.

– Хеллоу, – услышали мы приближающийся женский голос. К кабинету, широко улыбаясь, на встречу с нами шла молодая женщина в розовой блузке с папкой подмышкой. Подойдя ближе, она протянула руку: – Меня зовут Саманта, рада познакомиться.

– Я Таня, очень рада встрече.

– А это кто? – Саманта продолжала широко улыбаться белозубым ртом и обратилась к Ванессе. – Привет! Как тебя зовут?

– Она спрашивает, как тебя зовут, – перевела я дочери на русский.

– Ванесса, – с улыбкой ответила дочь, подавая руку.

Милая девушка оказалась нашим будущим завучем. Она поговорила с Дином об общих знакомых, приветливо осведомилась об успеваемости дочери в нашей стране и спросила, нравится ли нам Америка. Через 10 минут в кабинет вошел очаровательный дядечка в синем костюме и, поздоровавшись за руку с Дином, по очереди познакомился с нами:

– Меня зовут Деннис, очень приятно! – Деннис сел рядом с Самантой и тоже улыбнулся во весь рот.

Мужчина оказался директором школы. Завуч и директор после получасовой беседы очень мягко дали понять: раз девочка ни слова не понимает по-английски, ей будет трудно обучаться со сверстниками, успеваемость начнет хромать, а впереди старшая школа, решающая. С плохими оценками не светит дальнейшее поступление в вуз, а посему стоит изучить английский на языковых курсах, а осенью они возьмут ее в 8 класс. Говоря все это, мужчина и женщина без конца извинялись за причиненные неудобства и желали поскорее увидеться с нами, как только пройдет лето и наступит новый учебный год.

Уезжая, я была немного расстроена: было жаль терять 2 месяца школы. Но, подумав и взвесив, я нашла в этом преимущества: впереди целых 4 месяца, чтобы насладиться жизнью, каникулами и путешествиями, а дочь тем временем, шутя, любя, нарочно, выучит английский, на котором предстояло говорить в новой стране, в которой мы начинали жить.

Дочки Дина

После встречи в школе мы напрямиком направились на школьный стадион, на котором шла тренировка девочек по футболу.

– Там будет моя дочь, сейчас я вас познакомлю, – с волнением в голосе произнес Дин, крутя баранку. Для него и всех нас это было историческим событием.

– Она занимается спортом?

– Да, она входит в сборную девочек школы по футболу. – Дин вывернул на широкое шоссе и откинулся в кресле, пока я продолжала смотреть на него сбоку. Почувствовав взгляд, любимый подмигнул и взял мою руку в свою.

“Какой неженственный вид спорта”, – подумала тогда. Но я еще не знала, какое огромное значение придают спорту американцы. От участия в спортивной жизни старшей школы зависело дальнейшее поступление в колледжи и вузы: гранты и стипендии получали не только самые умные, но и наиболее активные в спорте. Поэтому для школьников здесь важно заниматься хоть каким видом, чтобы зачлось в дальнейшем.

Мы подъехали к огромному зеленому газону с несколькими футбольными полями, атлетическими площадками и теннисными кортами. На всех площадках играли, стояли и бегали тренирующиеся школьники. Подъехав к самому крайнему, Дин вышел из машины и скорым шагом направился к толпе девочек в зеленых униформах: они были в легких летних топах с короткими рукавами и свободных шортах с белой полосой по нижнему краю. Дин рукой подозвал одну из них: вместе подошли к нам.

– А вот и Таня с Ванессой, – представил он. – А это моя дочь, знакомьтесь. – Дин пытался подбодрить дочь-подростка, которая выглядела нерешительной и несмелой: она стояла, прилипнув к руке отца, чуть опустив голову вниз, исподлобья кидая короткие взгляды в нашу сторону.

– Привет! Я Таня, рада познакомиться! – я протянула ей руку.

– Привет! Я Люси. Тоже рада встрече! – высоким и тонким голосом произнесла девочка и смущенно протянула руку в ответ. У Люси был такой же южный говор, как у отца. Яркий румянец покрыл ее щеки после рукопожатия.

– А это Ванесса, – произнес Дин, – она еще не говорит по-английски, но скоро начнет.

– Хеллоу! – смогла сказать моя дочь. Люси и Ванесса приобнялись.

15-летняя дочь Дина была похожа на него: одинаковые с ним овал лица, форма носа, бровей и губ, очень белая кожа и длинные ноги. Она обладала широкой костью и была склонна к полноте. Добрым нравом и спокойным характером тоже уродилась в Дина, поэтому была его любимицей.

Люсильда захотела поговорить с отцом наедине и отозвала его в сторонку, они отошли на три метра. Она жила с матерью и училась в 9 классе, Дин с ней виделся нечасто, поэтому скучал и при каждом удобном случае старался навестить в школе или на стадионе. Девочка бросала в нашу сторону незаметные взгляды и что-то спрашивала у Дина; если наши взгляды пересекались, она смущенно отворачивалась.

Позже Дин передал, что дочь до жути стеснялась, но мне она не показалась застенчивой, или, может быть, я так и не разобралась в ее характере. Она и в дальнейшем не переступила черту неловкости: как бы я ни пыталась подружиться и поговорить по душам, замыкалась и не шла на контакт, хотя с ровесниками, и даже с Ванессой, была довольно общительной. Мне казалось, что виной тому ее негативное отношение к новоявленной жене отца, навеянное матерью, но Дин всякий раз убеждал, что Люси чрезвычайно стеснительная девушка.

Я подошла к Дину и Люсильде и попыталась поучаствовать в беседе, но разговор не клеился: его дочь совершенно не понимала мой русский акцент, а я не улавливала ее южный говор.

– А где Матильда? – спросила я у жениха. – Я думала, она тоже будет на стадионе смотреть игру младшей сестры.

– Она сегодня не сможет приехать, у нее работа, я вас позже с ней познакомлю, – заверил жених.

Со старшей дочерью Дина мы познакомились намного позже, через несколько месяцев: она сознательно игнорировала наш с Ванессой приезд в Штаты и под любым предлогом отклонила просьбы отца приехать познакомиться.

Первая встреча с Мэтти произошла в нашем доме: она заехала забрать кое-какие вещи и ноутбук. Внешне совершенно не походила на Люси ни лицом, ни фигурой. Костлявая, худая спина с выпирающими лопатками и невысокий рост отличали ее от ширококостной младшей сестры. Голос тоже был непривычно высоким и писклявым. “Наверное, похожа на мать”, – подумала я тогда.

Мэтти были улыбчива и приветлива и расположила к себе своим “кротким” нравом, как мне показалось, но я сильно ошибалась, в чем убедилась позже. Через 15 минут, забрав ноутбук, она, мило улыбнувшись, попрощалась и укатила на своем маленьком джипе.

Так я познакомилась с дочерьми будущего мужа. Тогда мне показалось, что мы замечательно поладим и найдем общий язык.

Будни

Потянулись наши американские будни. Несколько месяцев подряд я все никак не могла понять южный диалект Дина, в такие минуты мы продолжали переписываться в вайбере. Только через сообщения доходил смысл сказанного. Я сокрушалась, что теперь не смогу улучшить английский, а телевизор не смотрела, так как американская речь казалась слишком быстрой.

Дальность расстояний до пунктов назначения не укладывалась в голове, поэтому нередко в первое время я пыталась Дина вопросами:

- Могу ли я пешком сходить в магазин?
- Нет, до него далеко.
- А на велосипеде?
- Тоже далеко, целый час придётся крутить педали.
- Может быть, на автобусе смогу доехать?
- Здесь нет автобусов.
- А такси?
- И такси тоже нет.

Мне долго не верилось, что Дин говорит правду: “Наверное, шутит. Ну, ничего, скоро все равно расколется”.

Для меня стало целым открытием, что в провинциальной Америке нет общественного транспорта и проторенных пешеходных дорог, а в маленьких городах нет даже такси.

После 40 лет жизни в российской глубинке, где повсюду приходилось топтать на своих двоих, длительное время не могла привыкнуть к местным порядкам, переживая за отсутствие движения и ежедневных прогулок по улицам.

Через пару недель после приезда я попросила мужа отвезти нас с дочкой в город, чтобы прогуляться неспешным шагом по вечерним аллеям, посмотреть на публику, показать себя...#

На улицах нашего городка не оказалось никого. Только одиночные машины проезжали иногда мимо и освещали фарами проезжую часть. На нас лупились из всех автомобилей, будто увидели ненормальных, попавших в неполюженное место. Кое-где встречались собачники, но ни одного пешехода, что стало для меня шоком и жирным минусом Америки. #

По прошествии времени я привыкла к местному быту. Меня уже не удивляло, что родители повсюду возят детей на машинах: в гости к другим детям, в кинотеатры, на шоппинг, в кафе, парки и рестораны, в школу и из школы. Удивил уровень благосостояния американцев: во всех дворах стояло по 4–5 машин, причем каждому члену семьи принадлежало больше одной.

Я, не водившая автомобиль в России, была совершенно не готова к такому повороту событий, меня продолжал возить Дин, которому это доставляло большое удовольствие. Мы планировали получение мною прав, но где-то в будущем, а пока наслаждались совместными поездками.

Мы с дочерью удивлялись каждому необычному, на наш взгляд, строению, городу, ферме, хутору на отшибе, роскошному дому в чаще леса и сравнивали увиденное с кино.

- Смотри, городок точно как в сериалах!
- Ой, погляди, а там студенческая вечеринка снаружи двухэтажного дома с бассейном – точь-в-точь как в фильмах!
- А вот дом как из “Гарри Поттера”!
- Ой, магазинчик на заправке, как из боевика, сейчас въедет грузовичок с вооруженными головорезами в кузове.

Реакцией жениха на наши восторги была легкая ухмылка. Он давал нам время насладиться видами и сфотографироваться у интересных мест и никогда не торопил – своими выдержкой и терпением все больше очаровывал и влюблял. Дин раскрывался как истинный джентльмен старой закалки: открывал дверь, подавал руку, пододвигал стул. По улице мы с ним ходили исключительно за руку или в обнимку, смотря друг на друга: нам нравилось выражать близость через телесный и зрительный контакт.

Прошло больше месяца в эйфории и впечатлениях от нового места жительства. Дин и я продолжали изучать и узнавать друг друга. Знакомство по интернету и переезд в другую страну к практически незнакомому мужчине, которого ты видела в реальной жизни один или два раза (в нашем случае три), – всегда риск для обоих. Может оказаться, что муж – садюга и психопат, а может – жена “голддиггерша” и обманщица. Но нам в этом отношении повезло: жених оправдал самые светлые ожидания и не разочаровал ни в чем, а Дин сказал, что никогда не думал, что семейная жизнь может быть настолько счастливой.

Еще одно легкое переживание я испытала по незначительному и смешному по прошествии лет поводу – я боялась показаться перед ним без макияжа. Дин ни разу не видел меня ненакрашенной, хотя встречались в России три раза. В течение долгих лет я жила без мужчины и подзабыла, какова она, семейная жизнь. Мне казалось, привыкший видеть меня с ярко накрашенными глазами и губами, Дин обманется в надеждах, увидев естественное лицо.

Каждое утро в течение первой недели я старалась быстро нанести карандаш на глаза и брови, а до тех пор не выходила из комнаты. Мне казалось, что только с нарисованным лицом я привлекательна. Как я ни пыталась оттянуть момент показа истинной себя, это должно было случиться, и одним воскресным утром, когда жених не был на работе, вышла из спальни без мейка.

– Доброе утро! – Я старалась не смотреть на него и отводила взгляд в сторону. Дин сидел в гостиной на софе и читал что-то в телефоне. При виде меня он просиял, поднялся и подошел.

– Доброе утро, милая! Как ты спала? – тепло произнес он, как обычно, улыбаясь одними глазами, потом нежно поцеловал в щеку и лоб. – Ты такая красавица! – Он схватил меня за талию, поднял в воздух и закружил вокруг себя.

“Неужели он правда не заметил или из вежливости не замечает?” – засомневалась я.

– Ну что, попьем твой фирменный чай с молоком? – подмигнул жених.

– А что, ты тоже будешь? – от удивления я раскрыла рот и забыла, что надо стесняться.

Я привезла с собой из Сибири несколько пачек черного чая, потому что была предупреждена, что листового или гранулированного в Америке не найду. И как же он пригодился, нет слов! Ни в одном магазине я за первые месяцы не видела рассыпного чая, был только пакетированный с фруктовыми ароматами.

– Я постараюсь выпить маленькую чашечку. – Мой американец решил пристраститься к сибирской привычке, но пока плохо получалось. – Налей мне, пожалуйста, чуть-чуть, в самую маленькую чашечку, какую найдешь. Только без молока, прошу, и не горячий. – Через 5 секунд добавил: – И как вы пьете такой горячий чай? На улице от жары можно растаять. То ли дело кола со льдом!

– Ваша кола со льдом – это же сода, как ты пьешь столько много соды? Это же вредно для организма!

Любой разговор про еду в первое время переходил в дебаты: я утверждала, что американская привычка питаться вредна для здоровья, Дин соглашался, но менять собственные пристрастия не торопился.

В итоге я забыла, чего стеснялась, а будущий муж так и не заметил отсутствие макияжа. Тогда и много раз позже я убедилась, что ему абсолютно безразлично, накрашена я или нет, при параде или после душа, спросонья или заспанная, красивая или некрасивая – он обожал меня любую.

Ревность

Дин казался очень покладистым и спокойным. О его ревности я узнала случайно. После месяца, полного впечатлений, мне захотелось записаться в тренажерный зал. Фигуру в спортивной форме я поддерживала всю жизнь и по приезде в Америку стала скучать по залу. Дин после работы должен был 3–4 раза в неделю ездить на командные соревнования штата и делать репортажи с места событий. А так как спортзал находился в 10 минутах езды от дома, то только муж мог туда возить. Возвращался с матчем поздно, после 9 вечера, поэтому я не представляла, как с таким графиком мы сможем вместе посещать тренажеры. Нужно было придумать какой-то выход.

– Дин, а не записаться ли нам вдвоем в тренажерный зал? – начала я наш разговор.

– Да, запишемся, дай мне немного времени, у меня на этой неделе завал на работе.

– Хорошо, а когда сможем?

– Может быть, через две недели.

– А может быть по пути на работу ты будешь отвозить меня и оставлять на пару часов, а потом забирать?

– Что-о? – От хладнокровия Дина не осталось и следа. – Ты хочешь пойти туда одна?! – Он вытаращил на меня глаза и уставился, как будто только что предложила ограбить и убить человека. Мне стало не по себе.

– А что я такого сказала? – недоумевающим взглядом смотрела на жениха и не могла понять, в чем моя вина.

– Ты хочешь сказать, что ты одна пойдешь в тренажерку, чтобы флиртовать с мужчинами?

– Что-о? – теперь настала моя очередь удивляться. – Что за бред ты несешь?

Всколыхнулись давно забытые чувства маленькой, удобной, зависимой от мужчины “терпилы”, которая выносит издевательства только потому, что “так положено”. Я не понаслышке знала, что такое абьюзивные отношения, и первой мыслью было бежать от психа, коим окрестила Дина.

“Вот она, обратная сторона медали замужества с иностранцем. – Я была шокирована и разочарована. – Неужели он только что показал истинное лицо?” Охватила смутная тревога, что если Дин на самом деле патологический ревнивец, то я ошиблась в выборе второй половины, а это перекрывало все светлое, что было между нами, и ставило крест на будущей семейной жизни.

Весь остаток дня я переживала по поводу обернувшегося дьяволом жениха. Пускать на самотек ситуацию не собиралась, тем более, не давала повода относиться пренебрежительно. Нужно было срочно поговорить, пока не поздно, и расставить все точки над “и”.

Я долго сидела одна в спальне и не решалась начать диалог. “Как мне это сказать? Сделать вид, что я обижена, и надуться или продолжать общаться? Мы ведь взрослые люди, надуться – это как-то по-детски. Но он должен понять, что был не прав, и со мной так нельзя, иначе потеряю цену в его глазах”. – Я вела внутренний монолог и, наконец, решилась.

– Дин, ты можешь подойти ко мне, пожалуйста? – Я вошла в гостиную, где он сидел, и позвала в спальню. Ванесса находилась в своей комнате, смежной с гостиной, и не хотелось, чтобы она слышала наши разговоры.

Было видно, что Дина тоже мучает неизвестность, потому что это была наша первая ссора. Он нервно поднял на меня глаза, понимавшие, что ничего хорошего не услышит, молча встал и двинулся в спальню. В его теле, походке, движениях чувствовалось напряжение, он явно страшился предстоящего разговора и ощущал вину.

– Мне не понравилось, как ты сегодня со мной разговаривал, – медленно начала я и посмотрела ему в глаза, будто учитель спрашивает урок у ученика, я находилась в доминантном положении. – Что это было, ты можешь объяснить?

– Да. Ты захотела одна, без меня, ходить в тренажерный зал. Ты знаешь, для чего туда ходят женщины по одному? – стал оправдываться Дин.

– Чтобы качаться на тренажерах.

– Нет, чтобы цеплять мужчин! Все американки делают это. – Дин распалился и пытался умалить свою вину. Он старался говорить быстро и применял тактику “лучшая защита – нападение”.

– Во-первых, я не американка, – парировала я. – Во-вторых, я хочу ходить в тренажерный зал, и меня не волнует, что там делают американки. Я не заслужила такого пренебрежительного отношения к себе. В чем ты обвиняешь меня?

– Я не обвиняю, – почти испуганно сказал Дин. Мне казалось, он уже жалеет о выходке. – В наши тренажерные залы все женщины ходят знакомиться, – повторил он и больше не находил слов.

– Значит, ты считаешь, что я хочу познакомиться с кем-то, не прожив и месяца с тобой?

– Я так не считаю, – продолжал оправдываться жених. По дрогнувшему голосу поняла, что он начинает сомневаться в своей правоте.

– Объясни мне, пожалуйста, почему я должна хотеть с кем-то познакомиться, если у меня есть ты?

– Я не знаю... – Дин пожал плечами и всем видом показал, что желает быстрого окончания разборок. Он смотрел куда-то в сторону.

– Своими обвинениями ты унижаешь меня и делаешь несчастной. Так как мы решим этот вопрос? – Мой голос прозвучал очень жестко. Я почувствовала, что Дин испугался за наше будущее, я вела себя решительно и из хохотушки превратилась в железную леди.

– Прости меня, любимая, – внезапно произнес он, глядя на меня грустными глазами. – Я был не прав и постараюсь никогда больше так глупо себя не вести.

С его понурого облика считывалось, что на секунду он представил мой отъезд в Россию, наше расставание и прощание – и ему стало страшно. Печальное лицо выглядело несчастным: кончики губ опущены, брови приподняты домиком, глаза смотрят снизу вверх.

Мне стало жаль любимого, и чуть было не обняла его, но вовремя остановилась: не хотелось сразу мириться. Нужно было выдержать паузу, иначе мой ультиматум не имел смысла. Снисходительно произнесла:

– Хорошо, я прощаю тебя. Но я не в настроении разговаривать.

Дин пытался подойти, заговорить, несколько раз трогал за плечо, но я безжалостно молчала.

Я выдержала паузу до утра следующего дня.

– Доброе утро! – сказала я ему перед работой, но все еще выдерживала холодный тон.

– Доброе утро! – Дин не надеялся, что и сегодня заговорю.

Наши глаза случайно встретились – его светлые и мои темные, вернее, я хотела, чтобы встретились, потому что задержала на нем взгляд: мы оба не удержались и широко улыбнулись. Затем подошли друг к другу и крепко обнялись, словно встретились после долгой разлуки. Я с силой обвила руки вокруг его талии и положила голову на широкую грудь, Дин крепко обхватил руками мои плечи. Мир после ссоры вызвал самые радостные эмоции – улыбки, смех, шутки друг над другом. Мы уладили конфликт и снова были счастливы.

С тех пор мы ни разу серьезно не ссорились, хотя он продолжал ревновать, но так как поводов я не давала, Дин быстро успокаивался.

Я разрывала все шаблоны о женщинах, которых он знал прежде: после первого брака не верил ни одной из них и не собирался в ближайшем будущем иметь близких отношений, но

мне стал доверять безмерно. Больше Дин не устраивал сцен ревности и доказал на деле, что более преданного, чистого душой, верного и любящего мужчины нет на свете!

Дом

Мы жили посреди шикарного леса, настоящего заповедника. На третий день нашего пребывания в Штатах я увидела целую семейку оленей, пасущихся перед окнами. Они мирно щипали травку, дружно вскидывая головы на каждый шорох, и, казалось, не обращали внимания на близость к человеческому жилью и присутствие собак на газоне.

Моему и моей дочери восторгу не было предела: мы, увидев их в такой близости, в надежде ещё больше приблизиться к чуду природы, с радостными воплями бросились на улицу, распугав всех парнокопытных. Я считала этот случай встречи с дикими животными единичным, пока вскоре не обнаружила, что олени в Америке частые гости на улицах: во дворах, на газонах, шоссе, в парках. Нередко эти красивые создания становятся жертвами дорожно-транспортных происшествий, внезапно выскакивая перед несущейся машиной, как в голливудских фильмах про вампиров.

Возле нашего дома также жила целая дюжина зайцев, которые носились по лужайкам, как домашние собаки. По ночам, особенно в дождь, из леса, в котором мы жили, доносился громкий хор лягушек: тысячи земноводных громко и в такт не квакали, а орали во все горло, размножаясь и откладывая яйца. Это не было похоже на обычное кваканье, которое удавалось слышать по телевизору, это был ор, напоминающий блеяние в унисон тысяч овец в отаре.

Еще одним шоком для нас с Ванессой стала встреча с ядовитыми змеями, которые свободно ползали по траве, поэтому газоны коротко стриглись, чтобы предотвратить опасность столкновения с ними.

В доме было слишком тихо, непривычно после автомобильного шума нашего российского, хоть и небольшого, поселка. Мимо, по шоссе, изредка проезжали машины, одна в час, во все остальное время в нашей местности была гробовая тишина, если не считать шума ветра и пения птиц.

Нам с дочерью не доставало городской суеты, мы заскучали в первое время без шума машин и запаха бетона. Вероятно, всему свое время: люди, живущие в “каменных джунглях”, предпочли бы тишину нашего хутора, мы же с Ванессой, не жившие среди небоскребов, стремились в город. Мне хотелось переехать в более густонаселенное место с трафиком и живыми людьми, чтобы можно было посещать магазины, салоны и тренажерные залы пешком. Но увы, пешком здесь ничего нельзя было посетить даже в городах – все расстояния были огромными, а общественного транспорта в глубинке не было.

Темно-серые и синие стены в доме мне определенно не нравились, они давили. Находясь в таких стенах, я чувствовала себя если не пациентом психиатрической больницы (там стены все-таки белые), то заключенным тюремных казематов. И что заставило бывшую жену так поизголяться над домом, оставалось для меня загадкой. Как доказано учеными, цвет окружения и наличие естественного освещения играют большую роль на настроение и самочувствие людей. Следовал вывод, что с таким раскрасом стен депрессия и нестабильное настроение у домочадцев будут обеспечены, что в общем-то было правдой: бывшая, со слов жениха, устраивала в этом доме дикие скандалы и истерики. Терпеть такое издевательство над психикой не хотелось, и я выразила желание напрочь перекрасить все в светлые тона.

На всех окнах висели белые горизонтальные жалюзи, давно покрывшиеся пылью, их редко открывали. Весь дом будущего мужа напоминал замок Дракулы: темный, без единого лучика света, без живой души.

В течение трех месяцев я непрерывно, каждый день, меняла стены в персиковые, нежно-желтые, бежевые и белые цвета. Гостиная, спальни, коридоры и все двери приобрели более веселый вид. Я содрала жалюзи, перемыла все окна, стены и потолки и пустила в дом солнечный свет, который погас два года назад с уходом младшей дочери после разрыва с ее матерью.

На окна мы с Дином повесили шторы, выбор которых был весьма скуден в местных магазинах: это были узкие полоски ткани, которые лишь отдаленно напоминали шторы.

Еще три последующих месяца я доделывала и переделывала ремонт, если находила огрехи. Из дома я распорядилась вынести весь ненужный хлам, лишние столы, мебель, предметы обихода и прочий мусор. Хотелось очистить жилище от малейшего напоминания и энергетики той женщины, которая когда-то сломала жизнь Дину. После генеральной уборки и ремонта стало легче дышать не только физически, но и морально: теперь ничего не напоминало о прошлой жизни жениха.

Дом принадлежал его матери, Мелани. Все, что его окружало – сотни гектаров земель, прилегающий лес с протекающей рекой, надворные постройки, еще пара-тройка родовых домов, поля и угодья с урожаями сена и зерновых в радиусе нескольких километров, сдаваемых в аренду фермерам, – принадлежало семье мужа, а точнее, было записано на свекровь. В случае ее смерти прямыми потомками являлись Дин и Луи (Луи – младший брат Дина, жил в соседнем городе с женой и детьми, но не был близок к матери и брату; они виделись лишь по большим праздникам). Но старушка не спешила переписывать имущество на сыновей: наверное, планировала жить вечно.

Свекровь

Мелани была 74 лет от роду и лихо гоняла на машинах разных цветов и марок, которые меняла, как перчатки. Родной отец Дина давно умер, а престарелый Фредди был ее вторым мужем. На ранчо свекрови и Фредди был целый парк автомобилей, которые они продавали на аукционах. Это было их бизнесом, а по совместительству хобби, за счет которого старики жили и содержали целый двор рабочих. Кроме этого, у 90-летнего мужа свекрови имелись еще несколько фирм в разных сферах, которые приносили пассивный доход.

Старики жили в трехэтажном добротном деревянном особняке на огромном участке земли в несколько сотен гектаров. В огороженных маленькими заборами полях паслись их собственные ослики и коровы, которых они растили и продавали молочным и мясным фермам. В широком деревянном гараже из бруса стояли многочисленные антикварные и современные автомобили на продажу и в личное пользование. Весь двор был усеян разного рода машинами, тракторами, газонокосилками, сеялками и прочей техникой.

Мелани была рада мне. Приехала к нам на красном кабриолете с откидным верхом, чтобы встретить невестку с новой внучкой. Она была маленькой и тщедушной женщиной с короткими седыми волосами. В любое время дня и ночи, в любую погоду и время года она носила молодежную кепку с длинным козырьком, брюки свободного покроя и спортивную обувь. При виде нее не укладывалось в голове, как такая миниатюрная женщина, на голову ниже меня, могла родить богатыря Дина. Она быстро ходила мелкими шажками и вела активный образ жизни: писала картины, давала частные уроки по изобразительному искусству (в свое время выставляла картины в художественной галерее), занималась вместе с мужем его бизнесом и, в свободное от бизнеса время, ездила подрабатывать бухгалтером на предприятии.

Мелани кинулась горячо приветствовать нас: сначала обняла и поцеловала меня, затем Ванессу.

– Здравствуй! Добро пожаловать в наш дом и нашу семью, – молвила она на южном наречии, которое было еще труднее разобрать, чем выговор Дина.

– Здравствуйте! Большое спасибо, – расплылась я в улыбке. – Проходите в дом!

Мои попытки “угостить чаем” и накрыть на стол, как принято у нас, не увенчались успехом – свекровь вежливо отклонила приглашение. Дин позже объяснил, что надо предложить напиток со льдом, тогда мало кто откажется. За стол тоже можно было не звать – никто не будет есть домашнее блюдо, когда кругом полно кафе и ресторанов. Так что с тех пор ни с кем из американцев я больше не стремилась “попить чай”, а скромно предлагала воду или колу из холодильника.

Мелани была очень рада мне, особенно гордилась моим учебным образованием и хвасталась перед всеми “крутой” снохой. Она была весьма словоохотлива и по воскресеньям ездила в сельскую протестантскую церковь, где две дюжины таких же бодрых старушек обсуждали последние новости городка и обсасывали местные сплетни. Сельская церковь в провинциальной Америке – то же самое, что бабушки на лавочке на постсоветском пространстве.

По звонку сына, если Дину что-то было нужно, Мелани срывалась из постели и ехала выручать. Шубутная и отзывчивая женщина бежала на помощь при первом зове.

Она была очень недовольна предыдущим браком Дина и прыгала от счастья, что сын, наконец, нашел меня и обрел радость жизни. Если нужно было забрать меня из какой-либо точки города или Ванессу из школы, а Дин не мог этого сделать, он звонил матери – и она приезжала незамедлительно. Казалось, что свекровь только и сидит на телефоне, чтобы отозваться. В то же время, живя в 7 минутах езды от нас, она не вмешивалась в семейную жизнь сына и никогда не появлялась на пороге дома без повода: мы к ней ездили сами, и было это раз в 3 месяца.

Бракосочетание

Виза невесты подходила к середине своего срока, ее дают на 90 дней: если не женишься в этот срок, нужно выезжать из страны, чтобы не числиться нелегалом. Дин не спешил подавать заявление в ЗАГС, а время неумолимо бежало. Я решила напомнить о поджимающих сроках на случай, если он забыл.

– Дорогой, ты знаешь, нам надо поторопиться с женитьбой. Моя виза истекает в июле, а сейчас уже начало июня.

– Как? Так быстро? Я совсем забыл о твоей визе, дорогая, прости. Я ослеплен любовью, поэтому время с тобой так быстро летит, – перевел все в шутку любимый, но принял к сведению мои слова.

Мы шутили и смеялись по каждому незначительному поводу, на душе было легко и свободно, хотелось летать и прыгать от счастья. Я заметила, что стала лучше выглядеть: мелкие морщины на лице разгладились, глаза заискрились и стали излучать свет. Будущий муж чувствовал себя довольным и счастливым и получал кучу комплиментов от старых знакомых о том, что стал выглядеть моложе и свежее. Мы оба парили, как на крыльях.

– Я сегодня же встречу с пастором церкви, в которой наметил наше бракосочетание, и все узнаю. – Дин прямо поутру в воскресенье поехал в божий дом, пока я придумывала нам легкий завтрак.

Через час он уже вернулся и молвил:

– Я договорился. Пастор Эван хотел бы встретиться с нами обоими завтра, чтобы обсудить детали венчания и поговорить с тобой. Поедем в кафе к 12.00 часам.

– Дин, я как-то даже заволновалась. А что он у меня будет спрашивать?

– Ничего особенного, он лишь хочет с тобой познакомиться. – Жених улыбался каждый раз, когда видел мое серьезное лицо. – Ты такая привлекательная, когда волнуешься или злишься. – Он всегда находил повод, чтобы сказать что-нибудь приятное, затем обнял и поцеловал в висок.

Мы договорились, что никаких торжеств, пышных церемоний и белого свадебного платья не будет, из приглашенных будут только самые близкие друзья. А отметим знаковый день после церкви скромно, вдвоем.

Назавтра жених привез меня в какое-то кафе, в названиях которых я не разбиралась, Ванесса осталась дома. За одним из столиков сидел бородатый мужчина с густыми и длинными, до плеч, волосами с проседью, в коричневом костюме с выглядывающим воротом светлой рубашки. Мне было жутко любопытно увидеть вживую американского пастора. Заметив нас, он просиял и протянул руку:

– Меня зовут Эван Мерфи, приятно познакомиться. – Затем он пожал руку моему спутнику.

– Я Таня, рада взаимно. – Мы уселись на стулья за столом напротив него. Дин пошел заказывать напитки.

– Как давно вы в Америке? – начал разговор Эван, его глаза излучали теплый, я бы сказала, божественный свет. – Нравится вам тут?

– Мне здесь очень нравится! Здесь зелено, красиво, уютно, люди приветливые и улыбкивые. Я приехала 1,5 месяца назад.

– Всего? Так вы ничего еще не видели?

– Нет, у нас все впереди! – с гордостью заявила я, обменявшись взглядом с подошедшим Дином, который принес газированную колу со льдом.

Пастор и суженый немного о чем-то пообщались, вспомнили общих знакомых, затем священник обратился ко мне:

– Знаешь ли ты, дитя мое, что ты на пороге большого события? Брак – это священное таинство, данное свыше, два любящих сердца объединяются на небесах, их союз скрепляется самим богом. Готова ли ты к столь серьезному шагу в твоей жизни?

– О да, я готова. Я прилетела сюда за 8 тысяч миль, к Дину, и я знала, на что шла.

– Тогда я спокоен. Я должен был встретиться с вами обоими и провести подготовительную работу, это неперемное условие моего служения. Я назначаю вам дату – 7 июня, через 5 дней. Бракосочетание начнем в 12.00. До встречи!

Через 5 дней Дин, Ванесса и я подъехали к лютеранской сельской церкви к назначенному времени: я в красном облегающем платье, жених в темно-сером костюме, дочь – в белом летнем наряде. Во дворе на парковке уже стояло около 10 машин наших родственников и друзей. Сама парковка отличалась широтой и размахом, белая разметка была такой яркой и свежей, будто только что нанесена на асфальт. Божий дом вновь напомнил американские фильмы, где сельские церкви всегда выглядят одинаково: стены из красного кирпича, треугольная крыша, большие белые колонны у входа и огромная входная дверь.

Мой жених, будучи весьма стеснительным по натуре, сильно волновался и вытирал пот со лба перед дверью святилища, меня тоже охватил нешуточный мандраж. Спокойствие хранила только моя дочь, единственной функцией которой было сидеть и наблюдать за церемонией из зала. Я, как могла, подбадривала Дина:

– Не волнуйся, дорогой, там только твои близкие, и их мало. Давай, вперед, открывай дверь.

Дверь была высокой и массивной, с толстой вертикальной ручкой. Перекрестясь в душе, жених отворил врата святого дома – и мы втроем предстали перед публикой. Все, кто сидел, тут же встали и пошли навстречу: это были мать Дина, без пяти минут моя свекровь, ее муж Фредди, приятель с работы с дочкой Ванессины лет, три близких друга Дина, младшая дочь Люси со своим новым парнем Роном, и, собственно, сам пастор, Эван Мерфи. Друг с фотокамерой сразу “щелкнул” нас на память, он по дружбе согласился стать нашим фотографом в этот день.

Старшая дочь Дина, Мэтти, не появилась даже в такой важный для отца день, выражая таким образом антипатию ко мне.

Внутри было все, как в лучших традициях Голливуда: высокие потолки, два ряда длинных сидений, разделенных посередине проходом, пол сплошь устлан красным ковровым покрытием. Прямо напротив массивного входа возвышался алтарь.

Святой отец поднял руку и попросил тишины. Гости расселись по скамейкам. Мы с будущим мужем встали у алтаря по обе стороны от священника перед нашей небольшой аудиторией.

Я чувствовала на расстоянии, как Дин нервничал и был напряжен, он не мог расслабиться. Гости с интересом разглядывали меня, так как до этого встречали всего один раз, а кто-то не видел ни разу.

Эван завел речь, которая звучала, как в американских фильмах: “Иисус Христос напоминает, что в начале Творец сотворил нас мужчиной и женщиной и сказал: посему оставит человек отца своего и мать и прилепится к жене своей; и двое станут одной плотью...”

Речь продолжалась около 20 минут. Я с трудом понимала божественные изречения, многих слов из которых никогда не было в моем английском лексиконе. Далее услышала: “Вы можете обмениваться кольцами”. Я заметила легкий тремор в руках Дина, лоб покрылся каплями пота, лицо покраснело: “Хоть бы не выронил колечко”, – успела подумать я. Мне хотелось успокоить родного человека, прижать, обнять, защитить, но церемония не позволяла вольностей. Через минуту золотое украшение красовалось на безымянном пальце моей левой руки, а через две – на пальце Дина.

Святой отец продолжил: “А теперь властью, данной мне как служителю Евангелия, и в соответствии с законами штата Северная Каролина, я объявляю вас мужем и женой. Жених, вы можете поцеловать невесту”.

Гости в церкви захлопали, только Дин смутился еще больше: он чмокнул меня в щеку, а я для верности прикрыла наш невинный поцелуй ладонью руки. Друг с камерой непрерывно фотографировал. “Я рад впервые представить вам мистера и миссис Адамс”, – заключил процесс пастор.

Вечером того же дня мы втроем – Дин, я и Ванесса – отправились в тихий и уютный ресторанчик отметить наше событие, там же к нам присоединились наш фотограф и еще двое друзей. Так началась наша семейная жизнь в качестве официальных мужа и жены Адамс.

Глава 5. Дин Адамс

Жизнь до меня

Пришло время рассказать о муже и его прошлой жизни. Что же его сподвигло так возненавидеть местных женщин и искать жену за тридевять земель?

Широкоплечий и крупный, когда-то он был спортсменом и капитаном сборных команд по популярным в Америке футболу и бейсболу, занимался тяжелой атлетикой и в молодости работал моделью для спортивных журналов. Фотографиями его голого торса были увешаны тренажерные залы страны. И даже по прошествии многих лет мышцы Дина выдавали бывшего атлета. Мне нравилось ощущать себя маленькой, хрупкой и надежно защищенной рядом с ним.

Будущий муж был журналистом со стажем – проработал репортером и спортивным редактором в окружной газете более 20 лет. В близлежащих округах его знали все от мала до велика, поскольку в свободное от работы время занимался тренировкой старшекласников и студентов университетов – подготавливал к участию в командных видах спорта. Его ученики беспрестанно выигрывали призовые места в соревнованиях. А по вечерам Дин Адамс занимался бизнесом – вкалывал в кафе, хозяином которого был, чтобы прокормить ненасытную женушку с дочерьми, требовавшими все больше и больше денег.

Позже я сделала вывод, что дочери относились к отцу весьма иждивенчески, указывая на потребности и не интересуясь им. Дин, как отличный отец, стремился к тому, чтобы дети ни в чем не нуждались, и угождал по каждому пустяку: хочешь съездить на концерт рок-звезды – пожалуйста, вот тебе деньги на билеты, желаешь прокатиться на лимузине – ради бога, сейчас найдем, нравятся дорогие шмотки и косметический набор за 1000 долларов – нет проблем, покупай. Ему попросту предъявляли список требований: “отвези в бассейн”, “увези к подруге”, “забери от парня”, “купи это”, “привези то”.

Никто не интересовался самочувствием, здоровьем и тем, жив ли он. Дин был личным извозчиком дочерей и их подруг все школьные годы, в то время как супруга, имевшая пару-тройку личных автомобилей, наслаждалась пивом в обществе приятельниц и весь день готовилась к ночному походу в клуб.

Во время виртуального общения на сайте, когда между нами сложилось полное доверие, Дин как-то спросил моего мнения насчет отношений в юном возрасте, чувствовалось, его беспокоил этот вопрос.

– Как ты относишься к ранним отношениям между девочкой и мальчиком?

– Я считаю это абсолютно неприемлемым и неприличным, – ответила я в духе человека, воспитанного Советским Союзом.

– Спасибо тебе большое, дорогая! – неожиданно поблагодарил меня жених. – Мне было так важно знать твое мнение!

– Насчет чьих отношений ты спрашиваешь?

– Насчет моих дочерей.

– А ты им говорил, что ты против?

– Конечно, говорил.

Сильно удрученный Дин рассказал, что старшая дочь заимела мальчика в 11 лет, а их мать одобряла ранние связи и сама возила девочку на встречи. На протесты отца мать и дочь возражали: «Ты отсталый и ничего не смыслишь в жизни».

Младшая дочь по примеру старшей тоже нашла бойфренда с младых ногтей, чем снова сильно опечалила Дина, а мать всячески одобряла дочь.

– А я уже думал, неужели я и правда такой отсталый и чего-то не понимаю в жизни, – успокоился любимый.

– Ты зрелый и правильный отец, ты все делаешь верно, – убедила я его.

– Мне теперь так хорошо на душе, что ты разделяешь мою точку зрения. – Дин сложил руки в молитве во время разговора в скайпе. – Я так жалею, что не ты мать моих дочерей!

Эту фразу “Я жалею, что не ты мать моих дочерей!” Дин повторял многократно – и тогда, во время переписки, и позже, когда жили вместе. К фразе он добавлял: “Насколько лучше они могли быть, если бы их матерью была ты!”

Для меня это была высокая оценка как женщины, матери, жены, и я действительно жалела, что мы не встретились с Дином раньше, в молодости, лет 20 назад. Сколько чудесных мгновений могли бы испытать, будь нам отведен столь долгий срок!

Дин был превосходным отцом, я не встречала подобных никогда прежде. Он отдавал детям всего себя без остатка, с самого рождения проводил с ними 24 часа 7 дней в неделю, кормил, заботился, ухаживал, угождал. Мог часами ждать, пока дочки и жена шопились по магазинам, ездили по друзьям, тусовались на вечеринках, и ни при каких обстоятельствах не роптал. Ему доставляло удовольствие приносить радость родным. Сам же тем временем выкладывался на трех работах: с утра в редакции газеты, в обед на репортажах со спортивных полей, по вечерам занимался бизнесом, а по выходным – коучингом юных спортсменов. Он не видел отдыха и не брал отпуск по 7 лет. Приходя домой, проводил свободное время с детьми.

На заре семейной жизни Дин Адамс пытался получить второе образование – юридическое, как раз чтобы учиться вместе с другом, о котором напишу ниже. Тот друг благополучно получил степень магистра права и вскоре стал преуспевающим адвокатом, а еще позже окружным судьей. Дин мечтал об адвокатской карьере всю жизнь, но, по иронии судьбы, был женат на необразованной, распушенной женщине, которая сыграла роковую роль в его жизни. Она была категорически против дальнейшего обучения, поставив ультиматум, что одна с детьми сидеть не будет. Бедный Дин вынужден был ради семьи пожертвовать будущей карьерой и престижным статусом адвоката и судьи.

Так прошла его молодость: в семейных заботах, работе и материальном обеспечении домочадцев.

Минуло 18 лет. Дин и не заметил, как оказался гол как сокол, без детей и денег, без бизнеса и нажитого в браке имущества, один в четырех стенах с пустым холодильником. Уходя, бывшая сломала не только всю жизнь, но и забрала младшую дочь, любимицу, которой было 12 лет. Но этой гримзе я отведу отдельное место в книге (хотя она того не заслуживает), чтобы дать полную картину прошлой жизни Дина.

Как Дин пошел на сайт знакомств

После нашей женитьбы Дин рассказал, как развод изменил его жизнь. Дом опустел без любимого ребенка. Стеклянными глазами он смотрел в светящийся экран телевизора, бессмысленно переключая с канала на канал. Дни тянулись невыносимо долго; щемящая тоска по детскому смеху младшей дочери глодала изнутри. Сотовый телефон молча лежал в сторонке... Нет, дочь не напишет и не позвонит.

Через несколько недель на работе, видя подавленное состояние Дина, давний друг, а по совместительству коллега, предложил сходить на сайт знакомств: мол, “и развлечешься, и, чем черт не шутит, найдешь кого-нибудь”.

Придя домой, Дин уже был полон решимости последовать совету друга, но за одним исключением: набрал в поисковике мобильного “международный сайт знакомств” вместо местного.

“Уж если снова заводить отношения, то это будет только иностранка! Никогда в жизни я больше не посмотрю на американку! Никогда!” – С такими мыслями будущий муж зарегистрировался на сайте, на котором, по воле судьбы, была я.

Дин Адамс всегда был без ума от симпатичных азиаток: в годы его молодости их было мало в Северной Каролине. Редкие экзотические красотки приезжали учиться в университеты штата и слыли самыми привлекательными и желанными девушками и были нарасхват у американских мужчин. Ему не посчастливилось встретить ни одну азиатку в студенчестве, но в памяти навсегда осталось чувство притяжения к ним. С годами эмигрантов из азиатских стран стало больше (в основном из Юго-Восточной Азии), но вьетнамский и китайский акцент его не привлекал, а русский, напротив, притягивал звучанием после просмотра шпионских боевиков.

С фотогалереи русскоязычного сайта знакомств смотрели славянки всех мастей и расцветок: блондинки, шатенки, брюнетки, длинноволосые, лысые, худые, полные, молодые и пожилые. Девушки позировали сидя, стоя, лежа, в профиль и анфас. Выбор был настолько велик, что американец потерялся в виртуальном малиннике. Побродив какое-то время по portalу, Дин совершенно случайно наткнулся на скромный профиль девушки азиатской внешности по имени “Тапуа” – это была я.

“Не может быть, – мысли перебивали друг друга. – Как, каким образом здесь очутилась азиатка? – Заглянул в анкету: – Так и есть, Россия, город Иркутск. Где же этот город находится? – Посмотрел в карту: – Это Сибирь!”

Мозг американца взбудоражился, эмоции встрепенулись: “Наверное, она всего лишь фейк, откуда в России азиаты? Тем более, она обворожительно хороша! Нет, не может быть реальной. Вот и в анкете написано, что образование – университет. Умная и красивая, два в одном? А описывает себя скромно и без пафоса. Она точно фейк”.

Раздираемый противоречивыми мыслями, Дин решил закинуть удочку и с нетерпением набрал короткий текст:

– Привет! Как дела? Что ты делаешь на сайте?

“Фейк она или не фейк, но все же проверить стоит”. – Дин вспоминал, что с большим нетерпением ждал ответа.

– Привет, у меня все отлично, как твои дела? Я здесь ищу человека для серьезных отношений, – последовала реплика.

“Боже мой, она мне ответила!” – ликовал он и тут же продолжил:

– Я в поиске родственной души! Ты еще не встретила никого интересного?

– Нет, пока не встретила. А ты?

– Я тоже нет.

Дин и я продолжили болтать несколько часов, назавтра и на послезавтра по новой – и так каждый день. Позже освоил Вайбер и был в восторге от простого и удобного способа общения.

Со мной ему было легко и непринужденно, рассказывал Дин. День ото дня все больше теплел и расслаблял внутреннюю пружину недоверия к женщинам, проникся симпатией и уважением к виртуальной незнакомке, под которую в дальнейшем подстроил весь распорядок дня. Вскоре теплые отношения переросли в большую и сильную привязанность к той, которая стала в будущем его женой.

Кикимора

Его бывшую звали Кики Адамс (я зову ее Кикимора – это имя ей больше подходит. После развода она оставила себе фамилию Дина, хоть и выходила замуж еще два раза). 18 лет они числились в браке, несчастливом, неудачном, полном предательства и коварства с ее стороны. Он терпел ее выходы ради младшей дочери, которую любил всеми фибрами души и которая в случае развода должна была остаться с матерью, а значит – покинуть дом отца (старшая на тот момент уже окончила школу и жила отдельно, с парнем).

Кики вытворяла невероятные по наглости и подлости вещи против мужа, его родных и собственной семьи: громко, на всю улицу, кричала ругательства, когда у нее портилось настроение (а портилось оно каждый день), угрожала расправой и полицией в случае несогласия с ней, обещала, что Дин «никогда не увидит дочь», если она того захочет, крыла бранными словами мужа и всю его родню до десятого колена, громко материла дочерей, не пускала в дом и проклинала свекровь, скандалила с его родственниками, поносила собственную мать, родных, сестру, соседей, друзей, впавших в немилость, продавца на заправке, официанта в ресторане, не уживалась ни с кем, даже с родными детьми. Под одной крышей с ней никто не мог долго находиться, она всех ненавидела. Ее душила дьявольской злоба на весь белый свет, а незакрытый рот изрыгал беспрерывные проклятия. И все ей сходило с рук.

В том, что Дин поступал порядочно и ни словом не обидел, – ручаюсь! За наши 4 года жизни и 2 года виртуального общения он проявлял одни только благородство, уважение и доброту. Ежели бы это не соответствовало правде и темными ночами муж был монстром и садюгой, то не смог бы долго скрываться за личиной, это давно выплыло бы наружу.

Вся жизнь Кики состояла из веселых попок с друзьями в барах, тусовок в ночных клубах и ресторанах, посиделок с подружками в пивнушках и поездок по многочисленным шопингам. Она изводила мужа ревностью и считала, что Дин принадлежит исключительно ей и обязан проводить время только в ее компании. Более того, мымра устраивала истерики после посещения увеселительных мест, считая, что муж дольше положенного задержал взгляд на официантке или слишком долго разговаривал с симпатичной хостес на ресепшн.

Кики не разрешала мужу носить шорты, искренне веря, что Дин пытается ногами завлечь девиц. В состоянии агрессии эта женщина была способна кидаться на людей, угрожать расправой и тюрьмой, в том числе, не щадила родных дочерей: однажды сдала в полицию Матильду за драку с ней, а за заступничество набросилась с кулаками на мужа.

Пока Дин вкалывал на трех работах, она заводила знакомства на стороне и тайно встречалась с любовниками во время алкогольного угара. Ее сексуальные похождения покрывала верная подружка, Санчо Панса в юбке, которая выглядела, как бегемот, и весила приблизительно столько же.

Когда Дин прознал про адюльтер, о котором на ухо шепнул доброжелатель, он, не способный на предательство, был обескуражен и долго не мог поверить в подлость жены, так как всю жизнь старался осчастливить ее недовольную рожу, при этом оставаясь верным и преданным мужем.

Тяжело далось решение о разводе, которое означало, что он потеряет 12-летнюю дочь, с кем был чрезвычайно близок. Но еще хуже было дальше жить с недалекой, неумной и лживой стервой, которая продолжила плевать в душу даже после развода.

Расторжение брака произошло быстро: Кики сама принесла документы в дом. Но и тут гримза умудрилась оставить его с носом: придумала хитрый план по отъему всего совместно нажитого имущества. Вместе со лживым адвокатом они прописали в контракте, что она забирает 100% имущества, а не половину, как положено при разделе, и становится единовластной хозяйкой бизнеса, принадлежащего семье Дина по материнской линии. Подсунув бумаги, она

томным голосом заявила, что ей “ничего от него не нужно, кроме развода”, и вперила глаза невинной овечки в потолок. Дин, будучи наивно доверчивым в его возрасте, не прочитав договор, молча расписался.

Но и этого ей показалось мало: уже после развода она украдкой сняла все наличные с банковских счетов и кредитных карточек Дина, испортив тем самым его кредитную историю, которая для американца значит все. Дин об этом узнал не сразу, но, обнаружив, не стал заявлять в полицию – пощадил имя и честь дочерей.

Таким запомнился мужу предыдущий брак, после которого остался оплеванным, обворованным, униженным и растоптанным.

Из-за развода отношения с дочерьми у суженого тогда не ладились: они целиком и полностью были на стороне матери и помогали ей врать. Они знали о коварстве Кики, но не смели перечить и не беспокоились о чувствах второго родителя, их больше заботили шмотки и парни. Постепенно, через год нашего виртуального общения, Дин с большим трудом добился расположения чад: они согласились встречаться и стали проводить больше времени в его компании, чему он был несказанно рад. Ему верилось, что все налаживается.

Тогда же Дин Адамс узнал, что мымра после него успела побывать замужем и развелась, обчистив очередного мужа. Затем нашла третьего по счету бедолагу, которому нещадно изменяла, пока тот спал, как убитый, после ночной работы. Вскоре кинула и третьего ради короткого упыря Джо Джонсона. И что-то мне подсказывает, что нынешний сожитель не последнее ее пристанище: вероятно, втайне она уже нашла более перспективного роконосца.

Как любимый так опрометчиво женился на стервозной, малообразованной девице, оставалось вопросом номер один для всех его друзей и знакомых.

Сам Дин со школьной скамьи пользовался бешеной популярностью у противоположного пола: чтобы зацепить понравившуюся девушку, не предпринимал усилий, девушки сами падали к ногам. Среди такого многообразия выбора женского пола его угораздило найти и пожениться на хамке Кики, которая вовремя сделала ход конем – сообщила о наступившей беременности!

Об этой истории Дин не любил распространяться и всегда, когда я спрашивала о причине женитьбы, отмахивался и замолкал, заметно погрузнев. И всякий раз после вопросов о предыдущей жизни просил никогда больше об этом не напоминать – его душе делалось больно.

Живя с сожителем (вышеупомянутым коротышкой Джо), который так и не стал ее законным четвертым мужем (не знаю, по какой причине), Кики все не успокаивалась и следила за первым мужем – Дином. Целиком и полностью хотела завладеть его жизнью и душой: ей хотелось знать, с кем он разговаривает по телефону, каким официанткам “подмигивает”, в каком ресторане ужинает, с кем знакомится, куда ходит после работы, что делает дома один, и один ли? Она часто подъезжала в темноте к его дому и с параноидальным любопытством высматривала в окнах силуэт бывшего супруга и то, чем он там занимается, а главное – с кем?!

О выходках стервы Дин узнал позже, через пару лет, от дочерей. А знакомые донесли, что слышали, как она часто признавалась, что “до сих пор любит Дина и хотела бы вернуть”.

Через год после развода любимый встретил на сайте меня. Мымра могла ни за что об этом не узнать, если бы Дин не добавил меня в друзья в популярной социальной сети – с той поры его и так не сладкая жизнь приобрела еще больше драматизма и интриг. Бывшая и ее толстая подружка Бегемотиха, которая помогала предавать и обманывать Дина, решили еще больше отравить его нелегкие будни. Обе приходили к Дину на работу и начинали речь с трехэтажного мата: “Твою мать! Дерьмо! С кем ты переписываешься? Кого ты нашел? Ты даже не знаешь, кто она, ей только и нужны твои деньги! Сучий потрох! Ты посмотри на нее – она же фейк! Ты идиот? Это же всего лишь мальчишка из Таиланда, он выставил фото какой-то азиатской женщины и выманивает деньги из американцев! Черт побери!” И т.д. и т.п.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.